

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИННА
ФЕДЕРАЛОВА

МЕДХОРРОР

Жека Бугаев

СЕУЛЬСКИМ
ИНЦИДЕНТ

Инна Федералова Жека Бугаев: Сеульский инцидент

<https://litres.ru/74138379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он хотел умереть. Но демон сказал: «Сначала поработаешь».

Бывший мент из Талицы Жека Бугаев потерял всё: женщину, друга, работу и смысл жизни. В пустой квартире он пьёт «Беленькую» и молит о смерти. Призыв слышит Уфир — древний демон-хирург, которому скучно жить вечно. Он даёт Жеке отсрочку, но взамен отправляет в Сеул.

Теперь Жека — Пэк Сынчхоль, адвокат с чужим лицом и магическим знанием корейского. Его задача — внедриться в юридическую фирму «Чхон» и уничтожить коррупционную систему изнутри. В деле замешаны чеболи, ложные обвинения в изнасиловании и старые армейские тайны.

Вместе с демоном-практикантом Кайдо Жека будет чистить сеульское дно. Хирургически. Скальпелем, «Красным жнецом» и чёрным юмором.

Добро пожаловать в новый авторский эксперимент. Это первый коллаб героев из разных миров — с намёком на сиквел, если вам зайдёт.

Здесь нет романтики. Только кровь, уколы и медицинская жесть.

Сюжет в лучших традициях криминальных дорам.

Содержание

ПРОЛОГ: ТО, ЧТО НЕ УМИРАЕТ	5
ГЛАВА 1: ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ТРУПА	18
ГЛАВА 2: АЛЫЙ ПЛЮЩ	26
ГЛАВА 3: ПЕРВЫЙ РАЗРЕЗ	37
ГЛАВА 4: ВСТРЕЧА С ПРОКУРОРОМ	49
ГЛАВА 5: ТОРГ СО СМЕРТЬЮ	63
ГЛАВА 6: ВИЗИТ НАПАРНИКА	75
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Инна Федералова

Жека Бугаев:

Сеульский инцидент

ПРОЛОГ: ТО, ЧТО НЕ УМИРАЕТ

В квартире на Рябиновой 6 стоял запах перегара вперемешку с жареной картошкой. Картошка остыла на плите ещё вчера. Газ горел. Жеке было насрать.

Он сидел на кухне третьи сутки. Бутылки «Беленькой» выстроились в ряд на подоконнике. Пустые, с мутным осадком. Пол липкий, потому что дня два назад он пролил пиво, и теперь ноги прилипали к линолеуму каждый раз, когда он вставал, чтобы отлить.

Тёмно-каштановые волосы, обычно уложенные назад, спутались и падали на лоб. Трёхдневная щетина, под глазами тёмные круги. Красивый мужчина на грани краха. Тот, кому нужна помощь. Или пуля.

Динамик телефона валялся в луже пива. Оттуда хрипели треки Юры Шатунова. Жека не слушал. Звук заполнял пустоту, и только.

Мыслей нет. Стук в висках. Сушняк во рту. Руки дрожат. Он поднял последнюю бутылку. «Беленькая», 0,5. Остат-

ки плескались мутной жижей. Жека посмотрел на свет: оставалось на пару глотков.

— За здоровье, — сказал он.

Голос сел. Хриплый, как у курильщика. Хотя он бросил полгода назад. Карина заставила.

Он сделал глоток. Горло давно уже не обжигало, он не морщился.

— Карина, как же я тебя любил. Но почему?..

Он не договорил. Или не захотел.

Та, кого он с Даном вытащил из лап абыюзера. Первая женщина. Он любил её отчаянно, до конца. Рискнул карьерой, свободой, жизнью: похитил, сменил внешность, делал фальшивые документы, прятал по мотелям. Дан прикрывал его со стороны закона. Они работали в паре. А она ушла к Дану. Правильно сделала. Но легче не стало.

Потом они уехали в Корею. У Дана там родня, он наполовину кореец. Карина хотела начать новую жизнь. Жека соврал, что рад за них. И остался один в Талице.

Он не жалел о том, что сделал. Он бы поступил так снова. Но сейчас, в пустой квартире, он мог позволить себе признать: её выбор сломал его. Не потому что она была не права. А потому что он отдал всё, что мог, и этого оказалось мало.

Жека закрыл глаза.

— Ну приди кто-нибудь, — шепнул в потолок. — Хоть черт, хоть сатана. Заберите меня отсюда. Сил нет. Хочу сдохнуть. Помогите. Или убейте.

Он сжал пальцами горло. Лёгкие заполнились дымом: сосед снизу курил на лестнице. Дым тянуло под дверь.

Он разжал пальцы. Вдохнул. Выдохнул.

В этот момент что-то изменилось.

Где-то глубоко, на грани яви и бреда, Жека уловил запах. Чистый медицинский спирт. Тот, которым пахнет в операционной. Стерильный. Холодный. Резкий.

Тишина стала вязкой. А потом голос. Он коснулся изнутри, по спине мурашками, по позвоночнику холодом, с хрипотцой.

— Ты реально хочешь сдохнуть или просто ноешь, как баба на базаре?

Жека открыл глаза.

На стуле напротив сидел кто-то. Стул минуту назад стоял у окна. Жека сам переставлял его туда, чтобы тот не путался под ногами. Теперь там был странный тип.

Белые волосы, длинные, ниже пояса. В полумраке кухни они отдавали голубизной. На нём белый халат, распахнутый на голой груди. Та в шрамах, старых и глубоких, главный диагональный — шёл от правого плеча до левого бедра. Сквозь кожу пульсировали голубые трещины. Он выглядел тем, кого собирали по частям, а потом забыли про следы от швов.

В руке тип держал стакан с прозрачной жидкостью. Отхлебнул. Не поморщился.

— Ну здравствуй, Жека, — сказал он.

Голос был ироничным, почти будничным. Он ударил где-то внутри. По телу пробежала волна, в груди всё сжалось и отпустило, сердце ускорилось, по костям разошёлся холод, как от мощного баса в клубе, только здесь не было музыки.

— Ты кто?

— Уфир. Белоснежка. Древний демон-созидатель. Кандидат химических наук, — тип растянул губы в широкой, неестественной улыбке. Она не дотянулась до глаз, хотя могла бы. — Последнюю степень присвоил себе сам. Диплома нет. Ты не проверяй. Самые сильные призывы, Жека, это не пентаграммы и не латынь. Это желание. Искреннее. Тоскливое. Выжженное. Твой крик о смерти прошёл сквозь семь слоёв реальности. И я, как ответственная скотина, явился на вызов.

— Я никого не звал, — хрипло сказал Жека. — Я просто ныл.

— Ныл? — Уфир наклонил голову. Глаза засветились ярче. Ярко-голубые, ледяные. Они смотрели сквозь Жеку. Внутрь. — Твоя печень сейчас похожа на губку, пропитанную ацетоном. Почки работают на пределе. Сердце пропускает каждый третий удар. Ты не ныл, Бугаев. Ты кричал. Просто голосовых связок не хватило.

Уфир поставил стакан на стол. Стакан проехался по жирному пятну. Уфиру было плевать.

— Твоя душа, Жека, сейчас как просроченный рецепт. Формально она уже не нужна. А выбросить жалко. Я заберу

её. Но не сразу. Ты же не хочешь просто лечь и подохнуть от цирроза под «Белые розы»?

— Хочу, — честно сказал Жека. — Но скорее не хочу.

Жека перевёл взгляд на лозы за спиной Уфира. Живые, извивающиеся, похожие на щупальца. Одна замерла в полуметре от его глаза. На конце блеснула капля.

— Не помню, чтобы заводил ползучих питомцев, — сказал Жека и, не глядя, нашарил на столе кухонный нож. — Хотя одна вон из моего террариума сбежала.

Он рубанул по лозе. Та дёрнулась, но не отпрянула. Срез затянулся на глазах, и через мгновение на конце снова блеснула та же капля. Жека выдохнул, но ножа не опустил.

— Армия? — спросил Уфир с интересом.

— Срочная, — бросил Жека.

— Рефлексы быстро не растерял. Я из Армии Карателей. При Асмодее. Так что оценил.

Уфир поднялся, опираясь на стол. Он был выше, чем казался.

Худой, жилистый. Рельефные мышцы проступали под фарфоровой кожей. Из спины, чуть ниже лопаток, торчали два длинных разреза. Сквозь них виднелись мышцы и позвонки. Лозы выползали оттуда.

Уфир сделал шаг к Жеке. Когтистые пальцы легли на стол. Нетипичные для демона, благородные бело-перламутровые когти царапнули клеёнку.

— Я дам тебе отсрочку, Бугаев. Взамен ты станешь мате-

риалом для моих экспериментов. Не сразу. Сначала поработаешь. Там, в Сеуле. Фирма «Чхон». Коррупция, отмывание денег, чеболи. Будешь чистить систему. Изнутри.

Жека не подал виду. Но внутри что-то дрогнуло. Сеул. Корея. Там сейчас Карина и Дан.

Уфир наклонил голову, разглядывая его.

— Я вижу, ты знаешь, что это за место.

Жека молчал.

— Твои друзья там, — продолжил Уфир. — Но ты их не увидишь. Забудешь, что они существуют. Если намеренно встретишь, контракт аннулируется.

Он замолчал, давая словам осесть.

— А мне будет интересно наблюдать, как быстро сломается твоя психика. Или, наоборот, закалится.

— Зачем тебе это? — Жека смотрел в светящиеся глаза. Не отводил взгляд. — Ты демон. Тебе какая выгода от какого-то русского бухого мента?

— Выгода? — губы Уфира дрогнули. Потом улыбка сделалась шире, пока не превратилась в жуткий оскал и снова чуть не достала до уголков глаз. — Я не могу умереть, Бугаев. Пробовал. Взрывал себя, резал на куски, травил ядами собственного производства. Тело восстанавливается. Эксперименты над собой сделали меня сильнее. Скука. Вот моя проблема. А ты, Жека, — антидот от скуки. Живой материал, который хочет умереть. Редкий товар. Я возьму тебя в оборот.

Уфир щёлкнул пальцами.

В воздухе за спиной открылся портал. За ним Жека увидел помещение. Белые стены, хромированные столы, на полках ряды ампул и блистеров. Инструменты лежали в идеальном порядке: скальпели, зажимы, пилы. И на полу кровь. Старая, бурая.

— Кайдо! — крикнул Уфир в портал. — Выходи, практикант. У нас пациент.

Из портала вышел парень.

Длинные чёрные волосы падали на лицо, закрывая правый глаз. Левый горел красным. Парень бледный, почти прозрачный, с черными татуировками на шее, голом торсе, груди, руках. Тут и там быстрый взгляд Жеки выхватывал образы: вороны, демонские крылья, черепа — не похожие на привычные человеческому глазу.

За его спиной большие чёрные крылья. Сложенные, но занимали половину комнаты. Перья жёсткие, острые.

— Уфир, это человек? — спросил парень, кивнув на Жеку.

— Материал, — коротко ответил тип с белыми волосами. — Сегодня у тебя, Кайдо, практическое занятие. Тема: оценка качества изношенной человеческой души и её последующая консервация.

Кайдо вздохнул. Сунул руку в карман халата. Халат накинут на голое тело, не застёгнут. Достал пачку сигарет. Закурил прямо здесь. Выдохнул дым в потолок. Крылья за спи-

ной дёрнулись.

— Блядь, Уфир. Ты куда меня притащил? А это кто? Не похож на человека.

— Мой новый материал.

Жека посмотрел на его халат, потом на халат Уфира. Оба были распахнуты на голой груди.

— У вас тут дресс-код такой? — спросил он. — Или просто экономите на форме?

Кайдо остановился, медленно повернулся к нему, затянулся сигаретой. Красный глаз блеснул в полумраке.

— Слушай сюда, материал. Я тут, блядь, журнал учёта не закрыл. Проверка завтра. Мне твой сарказм сейчас как заноза в хвосте, понял? Хочешь быть особым, запишись к Уфиру на платную процедуру. А в мою смену будешь молчать и делать, что говорят.

— Ты всегда такой любезный с пациентами? — Жека усмехнулся, но без злобы. У него была сила привыкать к такому тону.

Кайдо хмыкнул и выдохнул дым ему в лицо.

— Ты не пациент. Ты расходник. Разница есть.

— Успеешь с журналом учёта, — перебивая их, вставил Уфир. Лозы за его спиной успокоились. — Контракт подпишет по процедуре Пекла.

Кайдо подошёл к Жеке. Наклонился. Красный глаз уставился прямо в зрачок. Пахнуло дымом и формалином.

— Ты бухой, — констатировал Кайдо.

— Бухой, — согласился Жека.

— Умирать хочешь?

— Хочу.

— А работать?

— Не знаю.

Кайдо выпрямился. Крылья дёрнулись, хотели расправиться, но места в кухне было критически мало. Он скривился, но нашёлся:

— Он нестабилен. Цирроз печени, алкогольная кардиомиопатия, абстинентный синдром. Почки барахлят. Группа риска.

— Группа С, — поправил Уфир. — Дешёвый, много. Без него неудобно, но не смертельно. Потенциал есть. Посмотрим.

Уфир снова щёлкнул пальцами. Портал расширился. Стало видно аптеку полностью. Белые стены, стеллажи, на которых стали видны банки с травами. В углу старый холодильник, облепленный магнитами. На столе раскрытый журнал. «Дневник практиканта Кайдо».

— Ну что, Бугаев? — Уфир протянул руку. Когти блеснули. — Приступим?

Жека посмотрел на руку демона. Потом на портал. Потом на Кайдо, который курил, наклонив голову, и чертил что-то в воздухе пальцем. Дым складывался в буквы.

Он подумал о Карине. О Дане. О пустой квартире, где ему предстояло гнить ещё год или месяц, а, может, неделю.

— А похуй, — сказал Жека. — Давайте.

Он встал. Ноги не держали. Кайдо подхватил его под локоть. Черные когти впились в предплечье через тонкую ткань майки. Портал за спиной схлопнулся.

+++

— Не дёргайся, — сказал Кайдо. — Я фармацевт. Больно не будет. Почти.

Он достал со стеллажа ампулу. Прозрачную, с мерцающей голубой жидкостью, сломал её, набрал в шприц.

— Руку давай.

Жека протянул правую руку. Кайдо нашёл вену на сгибе локтя.

— Не смотри, — сказал он.

Игла вошла. Холодная голубая жидкость потекла по венам от локтя к плечу, к сердцу. Внутри разлился ледяной, тягучий холод, схвативший всё тело. Жека дёрнулся, но Кайдо держал крепко. Потом пришёл жар: по сосудам побежал ток, прошивая их изнутри. Пальцы свело судорогой, в груди защемило, и на мгновение он перестал дышать. А потом отпустило.

Тело стало чужим, тяжёлым, накачанным свинцом. Жека слышал, как бьётся сердце — слишком громко, слишком медленно.

А ещё тиканье. Он поднял голову. Над дверью висели часы. Циферблат был разделён на Свет и Тьму, стрелки уско-

ренно крутились без смысла.

Чужие символы на банках и ампулах больше не казались бессмысленными — теперь он их понимал.

Он опустил взгляд. На полу темнело бурое пятно.

И в следующую секунду он увидел как плёнку, прокрученную за секунду. Существо ввалилось в аптеку, истекая кровью из раны на животе. Кайдо встретил его без лишних слов, уложил на пол, всадил шприц. Быстро, жёстко, без паники. Жека видел, как когти Кайдо мелькали над раной, как он зашивал, не моргнув глазом.

А потом Уфир щёлкнул пальцами. Видение от бурого пятна исчезло.

Кайдо проследил за его взглядом и скривился.

— А, это. Не успел убрать. Уфир дёрнул через портал прямо посреди работы. Тот, кого ты увидел, выжил, кстати. Заплатил. Так что не дрейфь, материал. Твоя кровь будет в пробирках, а не на полу.

Он вытащил иглу.

— Контракт в силе.

Уфир улыбнулся. Лозы за его спиной шевельнулись.

— Добро пожаловать в аптеку «Белоснежка и семь рецептов», Бугаев. Режим работы: круглосуточно. Лицензия Пекла №666. Сертификат Амуртэи. Пробирка в подарок при первом заказе.

Кайдо развернулся и пошёл в подсобку, за ним Уфир. Халат Кайдо развевался за спиной, крыльев уже видно не было,

видимо спрятал.

Жека остался один посреди аптеки.

Он оглянулся на стеллажи вокруг. На одной из банок прочитал: «Коготь дракона. От упадка сил и драконьей хандры. Хранить в сухом месте. Беречь от детей и серокрылых». Некие серокрылые сразу вызвали интерес, и Жека пообещал себе, что обязательно спросит о них.

Кайдо высунулся из подсобки с новой сигаретой в зубах.

— Что теперь? — спросил Жека.

— Работать, Бугаев. У нас тут АВС-анализ не сдан и про журнал учёта я говорил. А ты, мать твою, просто расходный материал. Зато живучий. Уфир сказал, из тебя толк будет. Если не сдохнешь в первую неделю.

Кайдо подошёл, хлопнул по плечу. Когти царапнули ткань.

— Добро пожаловать в ад, Жека. Здесь налоги платят кровью. Отчётность сдают душой. А спирт пьют медицинский. Не привыкнешь, но привыкнешь.

Он снова скрылся в подсобке. Жека смотрел ему вслед, потом перевёл взгляд на стол. Там лежал раскрытый журнал. «Дневник практиканта Кайдо». Он подошёл, взял его в руки, раскрыл на последней странице. Корявым почерком выведено:

«Отец Хиро, если ты это читаешь, я жив. Уфир притащил какого-то бухого человека. Говорит, будет работать на нас. Я в ахуе. Отец Таро, мелатонин кончился. Закажи.»

И не открывай дверь ногой. Она новая».

Жека закрыл дневник. Поднял голову. На верхней полке стеллажа стояла банка с надписью: *«Спирт медицинский. Для наружного и внутреннего применения. Внутреннее — по назначению врача. Врач: Уфир (Белоснежка)».*

Он взял банку. Открыл. Понюхал. Тот самый запах. Холодный, резкий, чистый.

Жека сделал глоток: обожгло горло, но не поморщился.

— Ну, здравствуй, новая жизнь, — сказал он пустоте.

Никто не ответил. Только сквозняк прошелестел бумагами на столе.

Жека Бугаев ещё не знал, что подписал не контракт, а билет в один конец. И что самое страшное в мире — не пуля, а отсрочка смерти, которую нужно отрабатывать.

ГЛАВА 1: ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ТРУПА

Белое помещение оказалось больше, чем казалось из портала.

Стеллажи с ампулами уходили к потолку. Стеклянные полки подсвечивались снизу. В углу гудел холодильник, облепленный магнитами с пробирками и черепами. Жека разглядел череп в медицинской шапочке и пробирку с надписью *«Кровь драгнила. Не пить»*.

На столе лежал старый лист пергамента с рваными краями. Рядом игла и склянка с тёмной жидкостью.

Уфир стоял у стены. Там, где должно быть окно, была белая рама без стекла. За ней Жека увидел бесконечную темноту. Голубые вспышки разрывали тьму через ровные промежутки.

Кайдо подошёл к столу. Он поставил металлический кейс и открыл его. Внутри лежали ряды ампул и блистеров.

— Инструктаж, Бугаев. Слушай.

Он выложил на стол четыре упаковки.

— «Красный жнец». Доксорубицин 50 миллиграммов. Химиотерапия. Вводить внутривенно. Передозировка ведёт к смерти через трое суток. В мучениях.

Кайдо ткнул пальцем во вторую упаковку.

— «Спаситель». Кальция фолинат. Антидот к «Красному жнецу». Вводить сразу после. Запомни порядок: сначала

красный, потом спаситель. Сделаешь наоборот, сдохнешь.

Третья упаковка.

— «Цикло-щит». Циклофосфамид. Для особо стойких. Не вводить без фолината. Почки превратятся в фарш.

Четвёртая была стеклянной банкой с зелёной жидкостьюю.

— «Изумрудный мох». Для восстановления магии и памяти. И для её удаления. Перебор ведёт к амнезии и кровотечению из прямой кишки.

Жека смотрел на ампулы.

— Нахрена мне это?

Уфир подошёл ближе. Лозы за его спиной зашевелились.

— Ты теперь Группа А. Дорогой материал, мало, без тебя крах.

— Ты говорил группа С.

— Был С. Стал А. Процедура подняла твой приоритет.

Уфир взял со стола ампулу с голубой жидкостьюю.

— Это твой друг. Каждое утро, пока ты в Сеуле, колоть обязательно. Фолинат. Запомни.

Он убрал ампулу и повернулся к Жеке.

— Теперь займёмся твоей внешностью.

Уфир подошёл к нему. Когтистые пальцы легли на подбородок, повернули голову влево, потом вправо.

— Славянская. В Корее будут пялиться.

— И что делать?

— Магия.

Уфир провёл ладонью над лицом Жеки. Кожа потеплела.

Жека почувствовал лёгкое покалывание в скулах, в переносице, в уголках глаз.

— Теперь ты похож на помесь канадца и корейца. Никто не спросит, откуда ты. Главное, не свети паспортом без надобности.

Кайдо, стоявший за спиной Уфира, дождался паузы и хмыкнул.

— Это не всё.

Он достал из-под стола большую коробку. Белую, с голубой лентой. Поставил перед Жекой.

— Открывай.

Внутри лежали тюбики, баночки, флаконы и какие-то пластиковые штуки непонятного назначения.

— Что это?

— Уходовая косметика. Класс премиум. Тонер, эссенция, сыворотка, эмульсия, крем, патчи, солнцезащитный флюид,

— Кайдо перечислял с видом лектора. — Без этого никак. Кожа должна сиять. Корейцы это любят.

— Я не буду это на себя мазать.

— Будешь, — Кайдо затянулся. — Иначе спалишь легенду. У нас уже контракт заключён, Бугаев. Иначе сам тебя намажу. Насильно.

Жека посмотрел на коробку. Потом на Уфира. Тот пожал плечами.

— Правила игры, Бугаев.

Уфир щёлкнул пальцами.

— Кайдо, документы.

Кайдо бросил на стол тонкую папку.

— Пэк Сынчоль. Этнический кореец из России. Адвокат. Въездная виза, вид на жительство, гражданство по упрощённой процедуре.

— Я не адвокат.

— Теперь адвокат, — сказал Уфир. — Диплом левый, но проверку пройдёт.

Жека открыл папку. Там лежала пластиковая карточка с фото. На него смотрел другой человек. Тёмные волосы, карие глаза, серьга в ухе. Похож, но не он.

— Кто это?

— Ты, — Кайдо закурил. — Фотошоп и магия.

Уфир щёлкнул пальцами.

— Язык.

Жека не понял. А потом почувствовал, как внутри черепа что-то щёлкнуло, будто переключилась передача в коробке.

— Что это было?

— Теперь ты говоришь на корейском, — сказал Уфир.

Жека открыл рот.

— Как это? — спросил он.

Слова вышли правильные. Корейские. С нормальным произношением и правильными окончаниями.

— Охуеть, — сказал Жека по-русски. Потом повторил по-корейски. — Охуеть.

— Не выражайся, — сказал Кайдо. — И да, теперь ты

будешь понимать всё, что они говорят. Телевизор, вывески, разговоры прохожих. Магия.

— И что, навсегда?

— Пока контракт действует, — Уфир улыбнулся. — Не подведёшь, язык останется. Подведёшь, заберу.

Он махнул рукой. В стене открылся портал. За ним ночной город. Огни, неон, высотные здания.

— Сеул ждёт, Бугаев.

+++

Сеул ударил влажным воздухом и запахом жареного мяса.

Жека стоял на крыше. Внизу мигали вывески на корейском. Теперь он их понимал. И ниже, мелкими буквами: «Скидка для студентов», «Бесплатная доставка», «Осторожно, видеонаблюдение».

Обычная реклама. Как в Талице, только на другом языке.

Кайдо вышел из портала следом. Крылья исчезли. Халат сменился чёрной паркой с капюшоном. Волосы он собрал в низкий хвост.

— Нравится?

— Похоже на декорацию.

— Потому что декорация. Город масок. Все улыбаются, все притворяются.

Кайдо повёл Жеку вниз по лестнице.

+++

Квартира оказалась на двадцать четвёртом этаже. Голые стены, дешёвая мебель, зато кондиционер и телевизор име-

лись.

— Жильё от фирмы. Оплачено на три месяца. Дальше сам.

Кайдо достал из кармана чёрный камень в медной оправе. Он поставил его на подоконник. Камень замерцал красным.

— Маяк. Уфир будет следить. Захочет поговорить, камень посинеет. Нажмёшь на него, откроется портал.

— Как домофон.

— Типа того.

Кайдо прошёл на кухню. Открыл холодильник. Внутри банки пива, рис, яйца, кимчи.

— Еду закажешь через приложение. Деньги на карте. Документы в папке. Легенду выучи наизусть.

Он хлопнул дверцей и подошёл к выходу.

— Я улетаю.

— А я?

— Работай, Бугаев.

Кайдо открыл портал, шагнул внутрь, и портал схлопнулся.

Жека остался один.

Он сел на диван, включил телевизор. Дорама. Девушка плакала навзрыд, парень стоял под дождём с букетом цветов.

— Я люблю тебя, — сказал парень по-корейски.

— Я тоже, — ответила девушка.

Жека выключил телевизор. Он понимал каждое слово. И это бесило. Лёг на диван, уставился в потолок. Белый. Глад-

кий. Закрыв глаза.

Не спалось. Мысли лезли. Карина, Дан... Потом Уфир с белыми волосами, Кайдо, который больше сошёл бы за хорошенькую девицу, острые когти обоих демонов, процедура договора, своё чужое лицо в документах.

Телефон завибрировал. Незнакомый номер.

— Ты там это. Не подохни. — Голос Кайдо. Усталый. — Уфир сказал, если сдохнешь, он меня в расход пустит. А я ещё диплом не получил.

Жека усмехнулся.

— Постараюсь.

— Не старайся. Делай. И, там это, подружка наша должна явиться к тебе. Будь с ней любезен, не обижай.

— Ч-чего? Какая еще подружка?

Вопрос остался без ответа, последовали короткие гудки. Кайдо отключился. Жека положил телефон на стол и снова уставился в потолок. Он провалился в темноту. А потом что-то стукнуло в окно. Тихо. Настойчиво. Жека сел на диване и подошёл туда.

На карнизе, на двадцать четвёртом этаже, сидела чёрная птица. Ворона. Крупная, с маслянистыми перьями. Красные глаза горели в темноте.

Ворона склонила голову и стукнула клювом. Жека открыл окно. Птица протянула лапу. В когтях ампула с красной жидкостью. К ампуле был примотан скотчем листок бумаги.

Жека взял ампулу. Ворона сорвалась с карниза и раство-

рилась в небе. Он развернул бумажку. Почерк Уфира. Крупный, размашистый.

«Красный жнец. 10 мг. Для первой работы. Жди звонка.»

Жека поставил ампулу на подоконник. Рядом с чёрным камнем. Спать уже не хотелось. Сел на диван и включил телевизор. Снова дорама. Теперь парень целовал девушку под дождём. Он смотрел на это и ничего не чувствовал. Только холод в груди от мысли, что завтра начнётся работа. Та, после которой он перестанет быть никем.

ГЛАВА 2: АЛЫЙ ПЛЮЩ

Утренний Сеул встретил Жеку серым небом и запахом выхлопных газов.

Он стоял на тротуаре у выхода из метро, в руках держал пластиковый пакет. Внутри был костюм. Дешёвый, синтетический, купленный в переходе за сто двадцать тысяч вон. Продавец клялся, что ткань дышит. Жека сомневался, но выбора не было.

Он нашёл туалет на станции. Переоделся. Пиджак жал в подмышках. Брюки оказались длинноваты, галстук кривым, и Жека не стал его поправлять.

В зеркале отразился мужчина в дешёвом костюме с чужой внешностью и чужим именем. Тёмные волосы уложены назад. Лицо чистое, свежее и никаких мешков под глазами. Магия Уфира и набор уходовых средств, что ему подсунули, сделали своё дело.

— Пэк Сынчхоль, — сказал он вслух. Корейские слова вылетали без акцента. — Адвокат. Из России. Твою мать.

Он вышел на улицу.

Офис «Чхон» находился в деловом районе, среди стеклянных башен и хромированных скульптур. Жека нашёл нужное здание по навигатору. Сорок этажей чёрного стекла. Вход охраняли два охранника в серых костюмах. Они кивнули Жеке, даже не спросив пропуск.

В холле пахло кофе и дезинфектором. Пол блестел. По нему ходили люди в идеально сидящих пиджаках. У них были пустые глаза и одинаковые улыбки. Жека почувствовал себя грязным. Его дешёвый костюм горел на нём позором.

Он подошёл к ресепшену.

— Пэк Сынчхоль. У меня встреча с Ким Ёнхёном.

Девушка за стойкой улыбнулась. Слишком ярко. Слишком вежливо.

— Минуту, Пэк-сси. Провожу.

+++

Кабинет Ёнхёна находился на тридцать девятом этаже.

Двери лифта открылись. Жека вышел в коридор с матовыми стенами и мягким ковролином. Ни звука. Ни шагов, ни голосов, будто он попал туда, где даже смерть ходит на цыпочках.

Девушка-секретарь постучала в дверь.

— Ким Ёнхён-сси, к вам посетитель.

— Входите.

Голос спокойный. Уверенный. С повелительными нотками.

Жека вошёл.

Кабинет был огромным. Панорамное окно от пола до потолка открывало вид на Сеул. Стекланные башни, река, горы на горизонте. Стол Ёнхёна стоял у окна. Чёрный, лакированный, пустой. Ни бумаг, ни компьютера. Только золотая ручка и стакан воды.

Ёнхён сидел в кожаном кресле. Ему было лет сорок. Короткая стрижка, дорогой костюм, часы, которые стоят больше, чем квартира Жеки в Талице. Глаза тёмные, холодные, с прищуром. Он смотрел на Жеку как на объявление в газете. Бегло. Без интереса.

— Пэк Сынчхоль, — сказал Ёнхён. — Адвокат из России.

— Да.

— Садитесь.

Жека сел в кресло напротив. Оно оказалось слишком мягким. Он провалился и почувствовал себя ребёнком.

— Мой человек в Москве дал вам высокую оценку, — Ёнхён взял ручку. Покрутил её в пальцах. — Говорит, вы умеете решать проблемы. Быстро и без лишнего шума.

— Умею.

— Хорошо. У меня есть проблема. Со Минхо, сын влиятельного человека, обвиняется в изнасиловании. Вина не доказана, но общественное мнение уже вынесло приговор. Вы будете работать в команде с моей лучшей сотрудницей. Она курирует дело. Вы помогаете. Вопросы?

— Нет.

Ёнхён улыбнулся. Узко. Хищно.

— Пэк-сси, вы работаете на меня. Не забывайте об этом.

— Не забуду.

— Вот и славно.

Ёнхён нажал кнопку на столе.

— Со-пёнхоса, зайдите.

Дверь открылась.

Вошла женщина.

Жека ожидал увидеть секретаршу в юбке-карандаш и с блокнотом, или ещё одну копию девушек с ресепшена, вежливую и пустую.

Он ошибся.

Со Ёнджу была высокой. Чёрные волосы собраны в низкий пучок на затылке. Ни одного выбившегося локона. Лицо с острыми скулами, тонкими губами и прямым носом. Глаза карие, но холодные как лёд. На ней был тёмно-синий брючный костюм. Дорогой, идеально сидящий. Жека сразу понял: она не из тех, кто улыбается и кланяется.

От неё донесся запах сандалового дерева и бергамота. Дорогая парфюмерия. И свежесваренный кофе.

Ёнджу посмотрела на Жеку. Один короткий взгляд сверху вниз. Она заметила дешёвый пиджак и кривой галстук. И не подала виду.

— Пэк Сынчхоль? — спросила она.

Голос ровный. Без эмоций.

— Он самый.

— Я Со Ёнджу. Старший адвокат в фирме «Чхон». Вы будете работать со мной.

— Повезло мне.

Ёнджу проигнорировала неуместное замечание. Вместо этого она повернулась к Ёнхёну.

— Ким-сси, мы закончили?

— Да. Приступайте.

Ёнджу кивнула и вышла из кабинета. Жека поднялся. Ён-хён снова взял ручку.

— Удачи, Пэк-сси. Она вам понадобится.

+++

Ёнджу ждала у лифта. Руки скрещены на груди. Взгляд в сторону.

Жека подошёл. Двери открылись. Они зашли внутрь. Ёнджу нажала кнопку двадцать пятого этажа.

Лифт поехал вниз. В салоне играла тихая музыка. Джаз.

— Откуда вы, Пэк-сси? — спросила Ёнджу.

— Из России.

— Знаю. Я имею в виду, из какого города?

— Из города, которого нет на карте.

Она повернулась к нему. Смотрела прямо в глаза.

— Это шутка?

— Отчасти. Моя родина называется Талица. Небольшой городок, в котором живут «полтора Ивана» и лишь одна больница на весь округ. Пара главных улиц с сетью популярных супермаркетов России: Пятерочка, Монетка, Магнит. Приличной одежды нет, как и мест, куда можно позвать на ужин. У нас уличный фастфуд и три забегаловки в центре, а кафе и рестораны только на федеральной трассе.

Ёнджу отвела взгляд.

— И что вы там делали?

— Выживал.

Лифт остановился. Двери открылись. Ёнджу вышла, не оборачиваясь.

— У вас странное чувство юмора, Пэк-сси.

— Мне говорили. Но сейчас я не шутил.

+++

Кабинет Ёнджу был меньше, чем у Ёнхёна. Четыре стены, одно окно на соседнюю башню, стеллаж с папками и стол, заваленный документами. Жека заметил фотографию в рамке. Двое парней. Один был салагой в военной форме, второй постарше и в свитере, оба похожи — братья.

— Садитесь, — Ёнджу указала на стул.

Она села напротив. Разложила на столе несколько папок.

— Дело Со Минхо. Мой брат.

— Ваш?

— Да. И я буду его защищать. Вы будете помогать.

Ёнджу открыла первую папку. Там лежали фотографии. Девушка лет двадцати. Синяки на запястьях, разорванная одежда.

— Пак Суён. Студентка. Утверждает, что Минхо изнасиловал её в клубе. Свидетелей нет. Камеры в том месте не работали. Но ДНК Минхо на её теле и на одежде.

— Он был там?

— Был. Говорит, что они занимались сексом по согласию.

А потом она передумала.

— И вы ему верите?

Ёнджу подняла глаза. В них мелькнуло что-то живое.

Боль. Или страх. Жека не понял.

— Верю. Потому что знаю его. Он не способен на насилие.

— Он тебе так сказал. Конечно. А кто сознается?

— Вы циник, Пэк-сси.

— Я реалист.

Ёнджу закрыла папку.

— Завтра первое заседание. Прокурор Кан Дохён будет давить. Нам нужен свидетель, который видел, что Пак Суён улыбалась и танцевала с Минхо. Такой свидетель есть. Но он боится.

— Все боятся.

— Поэтому вы здесь.

Она посмотрела на Жеку. Взгляд тяжёлый, изучающий.

— Ким Ёнхён сказал, что вы умеете убеждать людей.

— Умею.

— Не перестарайтесь.

Жека усмехнулся.

— Не волнуйтесь, Со-пёнхоса. Я не уговариваю. Я просто показываю, что других вариантов нет.

Ёнджу нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. Рабочее.

Она встала. Подошла к окну.

— У вас три дня, Пэк-сси. Найдите мне свидетеля.

— Найду.

Жека поднялся. Направился к выходу.

— Пэк-сси, — окликнула Ёнджу. — Я не знаю, зачем вы здесь на самом деле. Но если вы предадите моего брата, я найду способ вас уничтожить.

— Со-пёнхоса, я давно уничтожен.

+++

Жека вышел из здания. Сунул руки в карманы. Нашёл скамейку и сел.

Телефон завибрировал.

— Ну как? — голос Кайдо. Сонный. — Познакомился?

— Познакомился.

— Уфир сказал, что баба твой ключ. Если ты её тронешь, он тебе яйца отрежет. Я цитирую.

— Передай, что я понял.

— Ты понял или сделаешь вид?

— Понял.

— Ладно. У меня практика. Не подохни там.

Кайдо отключился.

Жека убрал телефон. Посмотрел на небо. Серое, низкое, с рваными облаками.

Один свидетель, который боится. У меня три дня, чтобы разобраться.

В Талице таких свидетелей находили за ночь. Пара ударов по почкам, и они начинали петь. Но здесь другая страна, другие правила.

И другая женщина. Она за одну минуту разглядела в нём чужака. А еще её нельзя трогать под страхом кастрации.

Жека направился в сторону метро.

— Сука, — сказал он по-русски. Потом повторил по-корейски.

+++

Он вернулся в офис после обеда. Хотел забрать копии документов. Ёнджу не было. Её секретарша сказала, что адвокат уехала на встречу. Жека взял папки и пошёл к лифту.

На тридцать девятом этаже двери открылись. В коридоре стоял Ёнхён. Он курил у окна, держа сигарету тонкими пальцами.

— Пэк-сси, — сказал он. — Задержитесь.

Жека подошёл.

— Познакомились с Со-пёнхосой?

— Да.

— И как впечатление?

— Сильная. Умная.

— И опасная, — Ёнхён затаился. — Не забывайте об этом. Она защищает брата. И порвёт любого, кто встанет на пути.

— Я понял.

— Хорошо. Пойдёмте.

Ёнхён потушил сигарету и пошёл в свой кабинет. Жека за ним.

Дверь закрылась с тихим щелчком. Ёнхён сел в кресло. Достал из ящика стола тонкую кожаную папку. Бросил на стол.

— Это вам.

— Что это?

— Откройте.

Жека взял папку. Развязал шнурок. Внутри лежали фотографии. Три штуки. Цветные, глянцевые, с датой в углу.

Жека узнал себя.

Фото из Талицы. Он стоит у своего подъезда в старой ко-
сухе, с сигаретой. Следующее — он выходит из Управления
внутренних дел. Третье — крупным планом его лицо, устав-
шее и помятое.

— Что это значит? — спросил Жека.

Ёнхён улыбнулся. Узко. Хищно.

— Я знаю, кто вы на самом деле, Пэк-сси. Жека Бугаев.
Капитан полиции из маленького русского города. Уволен из
отдела нравов за стрельбу в гражданского. Ваши друзья Дан
и Карина. Лотерейный билет. Квартира на Рябиновой.

Он перечислял спокойно, будто читал список покупок.

— Я не знаю, как вы получили корейское гражданство и
диплом адвоката. И мне плевать. Вы здесь, вы работаете на
меня. Не надо врать. Не надо строить из себя кого-то. Просто
делайте свою работу.

Жека смотрел на фотографии, на своё истинное лицо до
магии Уфира. И думал о том, как жизнь догнала его через
сутки после подписания контракта с демоном.

— Если вы меня убьёте, доказательства всё равно всплы-
вут.

— Не собираюсь вас убивать, — Ёнхён взял со стола золотую ручку. — Вы полезный инструмент. Слишком полезный, чтобы ломать. Но если вы подведёте меня, Бугаев, я не стану вызывать полицию. У меня есть свои способы.

Ёнхён поднял глаза. В них не было эмоций. Только холод.

— Договорились?

— Договорились, — сказал Жека.

— Хорошо. Работайте.

Жека вышел из кабинета. Фотографии он забрал с собой.

В лифте он разорвал их на мелкие кусочки. Обрывки полетели в урну на первом этаже.

Он знает. Всё знает. Имя, город, прошлое. Даже про Карину и лотерею.

Жека вышел на улицу. Сеул давил стеклянными башнями.

Он достал телефон. Написал Кайдо: «У нас проблема. Ёнхён знает, кто я».

Ответ пришёл через минуту: «Уфир в курсе. Говорит, так даже интереснее. И не ссы, он тебя не тронет. Ты дорогой материал. Группа А, блядь».

Жека убрал телефон.

— Сучье пекло, — сказал он по-русски.

Никто не ответил. Лишь были слышны сигналы машин на перекрёстке.

ГЛАВА 3: ПЕРВЫЙ РАЗРЕЗ

Сеул ночью выглядел как декорация к фильму про будущее. Неоновые вывески горели на каждом углу. Розовые, голубые, зеленые буквы складывались в слова: «Кибер-нет кафе», «Круглосуточный магазин», «Массаж. Вход со двора».

Влажный воздух пах жареным мясом и сладким тестом. Жека шёл по пустому переулку. Кроссовки скользили по мокрому асфальту. Ночью в этом районе никто не гулял. Только пьяные менты в патрульных машинах и редкие кошки у мусорных баков.

Свидетеля звали Ким Джонсу. Тридцать два года. Он работал администратором в ночном клубе, где произошло изнасилование. Видел, как потерпевшая Пак Суён танцевала с Минхо. Видел, как она сама потащила его в вип-комнату. Видел, как вышла оттуда с улыбкой. А через два часа написала заявление.

Джонсу не понравилось, что его втянули. Он не хотел никому помогать. Ни Минхо, ни Суён. Он хотел сидеть тихо и получать зарплату.

Жека нашёл нужный адрес. Забегаловка в подвале. Над входом мигала неоновая вывеска: «Суши-Express». Внутри пахло жареным маслом и соджей.

Джонсу сидел за столиком у окна. Маленький, лысеющий, в дешёвом пиджаке. Перед ним стояла пустая тарелка и не-

допитая бутылка соджи.

Жека сел напротив.

— Ким Джонсу?

— А ты кто?

— Адвокат Со Минхо. Нужно поговорить.

Джонсу допил соджу. Посмотрел на Жеку покрасневшими глазами.

— Я уже всё сказал следователю. Я ничего не видел.

— Видели. И вы это знаете.

— Отстаньте от меня.

Джонсу встал. Кинул на стол мятую купюру. Направился к выходу.

— Подождите, — сказал Жека. — Я не уговаривать пришёл. Я помочь хочу.

— Помочь? Чем?

— Вас запугали. Я знаю. Но если вы дадите показания, получите защиту. И денег столько, что хватит уехать из Сеула. Навсегда.

Джонсу остановился. Повернулся. В его глазах мелькнула надежда. Потом страх.

— Они убьют меня.

— Не убьют. Обещаю.

— Кто вы такой, чтобы обещать?

— Тот, кто умеет решать проблемы.

Жека встал. Сунул руки в карманы.

— Завтра вечером. Я пришлю адрес. Приходите один. По-

говорим спокойно. Без свидетелей.

Джонсу молчал минуту. Потом кивнул и вышел на улицу.

+++

Следующим вечером Жека нашёл подходящее место: полуподвал в старом жилом квартале, который местные называют «панжиха». Помещение было всего одно: тесная, сырая комнатуха без окон, с низким потолком и одной лампочкой на проводе.

Хозяин, пожилой кореец, не задавал лишних вопросов. Деньги взял налом, ключи отдал, предупредив лишь, чтобы в два часа ночи не шумели, и закрыл за собой дверь.

Жека остался один. В бетонных стенах ещё держался холод, а единственный звук — это мерный гул старых труб где-то за стеной.

Джонсу пришёл ровно в восемь. Стучал робко. Жека открыл дверь и впустил его внутрь.

— Что это за место? — спросил тот, оглядываясь.

— Надёжное. Никто не услышит.

— Зачем такая таинственность?

— Чтобы никто не помешал.

Жека закрыл дверь на задвижку.

— Садитесь.

Джонсу сел на пластиковый стул. Жека достал из кармана телефон. Поставил на стол, включил видеосвязь.

На экране появился Кайдо. Заспанный, с сигаретой в зубах. За его спиной виднелись стеллажи аптеки.

— Работаем, Бугаев?

— Работаем. Инструктируй.

Кайдо вздохнул. Потушил сигарету.

— Слушай сюда, мудила. Ампула «Изумрудного мха». Дозировка 0,5 миллилитра. Не больше. Вводишь внутримышечно. Ясно?

— Ясно.

— Через минуту он вырубится. Ещё через пять минут очнётся. Память последних шести часов сотрётся нахуй. Побочек не будет, если не переборщишь.

— А если переборщу?

— Тогда амнезия будет необратимой. И начнутся проблемы с кишечником. Кровь из жопы, если по-простому.

Кайдо откинулся на спинку стула.

— Всё понял, Бугаев? Не гони лошадей. Делай как я сказал.

— Понял.

— Тогда работай.

Кайдо отключился.

Джонсу смотрел на Жеку широко раскрытыми глазами.

— Что происходит? Кто это был?

— Мой ассистент. Не бойтесь.

Жека достал из внутреннего кармана ампулу с зелёной жидкостью. «Изумрудный мох». Он сломал её, набрал шприц. Дозировка была больше, чем 0,5 мл — он не заметил, что в ампуле был 1 мл. Или заметил, но решил, что сойдёт.

Он набрал полный шприц.

— Это лекарство. От стресса. Сейчас вы успокоитесь.

— Я не хочу.

— Хотите.

Джонсу попытался встать. Жека толкнул его обратно на стул. Сильно. Мужик охнул.

— Не дёргайтесь. Больно не будет.

Он стянул пиджак с плеча Джонсу. Нашёл дельтовидную мышцу. Воткнул иглу.

Джонсу дёрнулся. Через секунду его глаза закатились. Тело обмякло.

Жека вытащил шприц. Отошёл к стене. Секунда. Десять. Двадцать. Джонсу не двигался. Только дышал часто и поверхностно.

Пять минут. Десять. Свидетель открыл глаза. Посмотрел на Жеку. Взгляд ничего не выражающий.

— Ты кто? — спросил он.

— Не важно. Как себя чувствуешь?

— Нормально. Голова болит. И живот.

— Живот?

— Схватило. Изнутри режет.

Джонсу скривился. Потом его лицо побледнело. Он схватился за низ живота и согнулся пополам.

— А-а-а! Что со мной?

Жека подошёл ближе.

Темные пятна расплзались по штанам Джонсу. Запахло

железом и кислятиной.

— Блядь, — сказал Жека.

Он схватил телефон. Набрал Кайдо.

— Изумрудный мох, мать твою? — рявкнул Кайдо вместо приветствия.

— Да.

— Дозу?

— Около миллилитра.

— Ты что, на глаз отмерял?! — заорал Кайдо. — Я же сказал 0,5! Ты учебник МФТ не читал? У разных партий разная концентрация, там титрование нужно! Он у тебя сдохнет!

— Что делать?

— Ничего. Жди. Или вызывай скорую. Но если вызовешь, тебя вычислят.

Кайдо отключился.

Джонсу корчился на стуле. С него текло. Он плакал.

— Помогите, — шептал он. — Пожалуйста.

Жека смотрел на него минуту. Потом набрал номер службы спасения.

— Скорую, — сказал он по-корейски. — Человеку плохо.

Кровотечение.

Он назвал адрес. Бросил телефон на стол.

— Скорая едет.

— А ты? — Джонсу посмотрел на него, в глазах боль и страх.

— А я ухожу.

Жека вышел из подвала. Закрыл дверь. Поднялся на улицу.

Сеул ночью всё так же сиял неонами. Жека шёл быстрым шагом, не оглядываясь. Через два квартала его телефон завибрировал. СМС от Кайдо.

«Можешь не возвращаться в аптеку. Уфир сказал, что вычитет стоимость просроченной дозы из твоей зарплаты. И что ты теперь должен ему новую партию «Изумрудного мха». Своими руками добывать будешь. Удачи, мудила».

Жека убрал телефон. В кармане лежала пустая ампула. Он вытащил её, хотел выбросить в мусорный бак, но в этот момент воздух за спиной полыхнул фиолетовым.

Портал открылся беззвучно, и из него шагнул Уфир. Лозы за его спиной взметнулись, как живые плети. Одна обвила запястье Жеки, другая — ногу. Он дёрнулся, но Уфир уже стоял перед ним, нависая.

— Не здесь, — сказал Уфир спокойно, почти буднично. — Ты хочешь устроить представление?

Он щёлкнул пальцами, и портал схлопнулся, но в следующее мгновение они стояли в узкой подворотне — сырой, без фонарей, с запахом мокрого бетона и гнилых отходов. Где-то вдалеке гудел город, но здесь было глухо и пусто.

— Ты собрался выбросить это? — спросил Уфир, указывая на ампулу в его руке. — В мусорный бак. На улице. Где это может найти кто угодно.

— Я хотел избавиться от улики, — сказал Жека.

— Улик? — Уфир усмехнулся. — Серокрылые ищут не улики. Они ищут магию. Если они найдут эту ампулу, то вычислят не тебя. Они вычислят аптеку. И тогда мне придётся объяснять, почему мой материал разбрасывает улики по всему Сеулу.

Лоза на запястье Жеки сжалась. Он почувствовал, как шипы впились в кожу, а затем — резкое, рвущее движение. Боль взорвалась в руке. Жека не закричал, только выдохнул сквозь зубы, глядя, как его запястье превращается в кровавое месиво. Лоза разорвала кожу, мышцы, вены — всё, до кости.

— Ты хотел быть материалом, — сказал Уфир ровно. — Будь им.

Он отпустил лозу. Жека пошатнулся, прижимая искалеченную руку к груди. Кровь текла потоком, заливая рубашку, капая на асфальт. Боль была ослепляющей, но через несколько секунд он почувствовал странное тепло. Кровь остановилась. Рваные края раны начали затягиваться, срастаться, обновляться. Кость, мышцы, кожа — всё восстанавливалось прямо на глазах.

Жека смотрел на это, не веря своим глазам. Через минуту на запястье остался только белый шрам.

— Блядь, — сказал он, переводя дыхание. — Было больно, вообще-то.

— А ты думал, материалом быть легко? — Уфир усмехнулся. — Регенерация — не привилегия. Это плата.

— Кто такие серокрылые? — спросил Жека.

— Ангелы. Инспекторы Поднебесья. Они следят за соблюдением правил между мирами. Если они найдут твою ампулу, придётся объяснять, почему человеческий материал разбрасывает демонские артефакты по городу.

Уфир взял ампулу. В его пальцах она вспыхнула голубым и исчезла.

— Следующий раз, Бугаев, будешь не просто ранен. Будешь мёртв. До вечера.

Он шагнул в темноту и исчез.

Жека остался стоять в подворотне, глядя на белый шрам на запястье. Рука слушалась, двигалась, чувствовала. Как будто ничего не было. Но боль осталась в памяти.

+++

На следующее утро Жека узнал новости.

Джонсу выжил. Память он потерял полностью. Ничего не помнил ни о той ночи в клубе, ни о встрече с Жекой. Врачи сказали, что сильное кровотечение повредило слизистую кишечника. Ему предстояла операция. И долгая реабилитация.

Жека сидел в своей пустой квартире и смотрел на чёрный камень. Тот не синел.

Телефон завибрировал.

Звонил Уфир.

— Ну что, Бугаев? — голос демона был спокоен. Даже весел. — Первый блин комом?

— Он выжил.

— Я знаю. Кайдо отследил. Но память ты ему стёр. Молодец.

— Ценой инвалидности.

— Какая разница? Он живой. А мог бы сдохнуть. Тогда тебя бы искали. А так списали на язву желудка.

Уфир помолчал.

— В следующий раз, Бугаев, слушай моего практиканта. Изумрудный мох, штука капризная. Нужно проверять партию перед применением. Он тебя учил?

— Учил.

— А ты не слушал.

— Не слушал.

— Теперь ты должен мне новую партию. Из своих денег. И душу. Второй раз.

— За что?

— За спасение. Ты думал, скорая просто так приехала? Я подсуетился. Чтобы твой номер не засветили.

Уфир отключился.

Жека положил телефон на стол. Прошёл на кухню. Открыл холодильник. Банка пива. Он выпил её залпом.

+++

В офисе его ждал Ёнхён.

Жека зашёл в кабинет. Ёнхён сидел за столом. Рядом с ним стояла чашка кофе и папка с документами.

— Пэк-сси, — сказал он. — Садитесь.

Жека сел.

— Я слышал, наш свидетель больше не хочет давать показания.

— У него проблемы со здоровьем.

— Угу. И память пропала.

Ёнхён улыбнулся. Той самой узкой, хищной улыбкой.

— Поздравляю с первой успешной операцией. Быстро, чисто, без лишнего шума. Почти.

— Почти?

— Говорят, у него теперь инвалидность. Но это мелочи. Главное, что молчит.

Ёнхён подвинул к Жеке папку.

— Завтра в десять утра у вас встреча с прокурором Кан Дохёном. Он ведёт дело Минхо. Очень амбициозный молодой человек. Думает, что это дело сделает ему карьеру.

— Что мне ему сказать?

— А вы сами решите. Вы же умеете убеждать.

Ёнхён встал. Протянул руку. Жека пожал её.

— Не подведите, Пэк-сси.

— Не подведу.

Жека вышел из кабинета. Спустился в холл. На улице шёл дождь. Мелкий, противный.

Он достал телефон. Написал Кайдо: «Завтра встреча с прокурором».

Кайдо ответил: «Уфир сказал, что у прокурора рыльце в пушку. Копни его прошлое. И не убивай никого без меня. Я хочу посмотреть».

Жека убрал телефон.

— Сучье пекло. Группа А, блядь.

ГЛАВА 4: ВСТРЕЧА С ПРОКУРОРОМ

Здание суда в Сеуле выглядело как ещё один стеклянный гроб.

Жека поднялся по широким ступеням. На входе стояли охранники в чёрных куртках. Проверили сумку, пропустили через рамку. Люди в чёрных костюмах сновали по коридорам с одинаковыми папками в руках и одинаковыми масками на лицах. Никто никуда не спешил. Все делали вид, что заняты важным делом.

Ёнджу ждала его у дверей зала. На ней был тот же тёмно-синий костюм, что и в офисе. Волосы собраны в пучок. Ни одного выбившегося локона. Глаза холодные, смотрели сквозь Жеку.

— Опоздали, Пэк-сси.

— Пробки.

— В следующий раз выезжайте раньше. И возьмите блокнот. Защитник без записей выглядит как таксист без навигатора.

Она развернулась и вошла внутрь. Жека за ней.

Зал заседаний оказался меньше, чем он ожидал. По телевизору всё выглядит монументально. А тут два ряда скамеек для публики. Стол защиты справа. Стол обвинения слева.

Судья на возвышении. Флаг Кореи на стене.

Жека сел рядом с Ёнджу. Положил перед собой пустой блокнот. Ручку. В корейском судопроизводстве он не понимал ничего. Но умел делать умное лицо. Опыт работы в полиции пригодился: там тоже приходилось сидеть и кивать, когда хотелось спать.

— Что мне делать? — шепнул он.

— Молчать. И не зевать. Если судья обратится, встаньте и скажите: «Понял, ваша честь». Больше ничего.

— А если спросят мнение?

— Не спросят. Вы здесь для массовки. Ким Ёнхён хочет, чтобы у защиты было больше лиц.

— Красивое лицо?

— Чужое. Отвлекает внимание.

Жека усмехнулся. Он знал, как выглядит теперь: тёмные волосы, коричнево-зелёные глаза, высокие скулы, лёгкая азиатская черта в разрезе глаз — но при этом европейская массивность, которая выдавала в нём чужака. Не кореец, не европеец. Ничей. Идеальный вариант для того, чтобы на него смотрели и не понимали, кто перед ними.

Ёнджу не заметила его усмешки.

Публика начала заполнять зал. Журналисты с камерами. Родственники. Любопытные старушки, которым нечего де-

лать.

Потом ввели подсудимого.

Со Минхо было двадцать два года. На вид обычный корейский студент. Худой, бледный, в дешёвом сером костюме. Волосы чёрные, глаза тёмные, с красными веками. Он не спал несколько ночей. Руки дрожали, когда он сел на своё место.

Минхо посмотрел на сестру. Ёнджу кивнула. Еле заметно. Он выдохнул.

— Встать, суд идёт!

Все поднялись. Вошёл судья. Пожилой мужчина с брюзглым лицом. Он сел в кресло, поправил мантию, надел очки. Посмотрел на зал поверх стёкол.

— Слушание по делу номер двенадцать-семьсот-один. Обвиняемый Со Минхо, статья сто девяносто семь, часть первая. Изнасилование.

Голос судьи был ровным, монотонным. Жека сразу понял: этот человек уже всё решил. Текст читает по бумажке, глаза не поднимает.

— Слово обвинению.

Вошёл прокурор.

Кан Дохён. Жека сразу узнал его по фотографии из досье Ёнхёна. На вид лет тридцати. Высокий, подтянутый. Волосы зачёсаны назад. Костюм тёмно-синий, явно не с вешалки. На плечах сидел идеально, будто сшит на заказ. Запонки серебряные, галстук шёлковый.

Но глаза были пустые. Уставшие. С красными прожилками.

Жека увидел: этот сломан. Давно. И теперь его тащат на поводке. Хороший пёс, послушный. Намордник сняли только для зала суда.

Дохён посмотрел на сторону защиты. Взгляд скользнул по Ёнджу, потом по Жеке. Ничего не выражал. Как у рыбы на прилавке.

— Ваша честь, — сказал Дохён. — Обвинение имеет веские доказательства. ДНК обвиняемого на теле потерпевшей. Свидетельские показания. Видеозапись из клуба, где Со Минхо приставал к Пак Суён.

— Приставал? — перебил судья. — Этот термин не юридический.

— Вёл себя агрессивно. Навязчиво.

— Принято. Продолжайте.

Дохён открыл папку. Достал фотографии. На фотографиях крупным планом были синяки на запястьях девушки. Кровоподтёки на бёдрах.

— Потерпевшая утверждает, что Со Минхо изнасиловал её в VIP-комнате клуба «Элизиум» четырнадцатого марта. В два часа ночи. Свидетелей нет. Камеры были отключены. Но есть косвенные улики.

— Какие?

— Она звонила подруге сразу после происшествия. Запись звонка прилагается. Кричала. Плакала.

Судья кивнул. Что-то записал в блокнот.

Жека смотрел на Дохёна. На его руки. Длинные пальцы перебирали бумаги без суеты. Профессионал. Или хороший актёр. Или хорошая машина. Включили, запрограммировали, запустили.

Допрос свидетеля защиты занял сорок минут.

Молодой парень, друг Минхо. Рассказывал, что Суён сама подошла к его другу в клубе. Сама взяла за руку. Сама потащила в вип-комнату.

— Вы видели, что происходило внутри? — спросил Дохён.

— Нет. Но они вышли вместе. Улыбались. Она его целовала.

— Целовала при вас?

— Да. У выхода из вип-комнаты.

— И вы не заявили об этом сразу?

— Боялся.

— Чего?

— Её родителей. Они богатые. Влиятельные.

Дохён улыбнулся. Холодно, одними губами.

— То есть вы ждали, пока ваш друг сядет на скамью подсудимых? И только тогда решили рассказать правду?

Парень потупил взгляд. Дохён нажал.

— Вы знаете, что за дачу ложных показаний грозит уголовная ответственность?

— Знаю.

— И вы готовы подписать показания под присягой?

— Готов.

Дохён кивнул. Повернулся к судье.

— Вопросов больше нет.

Жека смотрел на это представление и чувствовал фальшь.

Каждое слово Дохёна было выверено. Каждый жест отрепетирован. Он не искал истину. Он выполнял программу.

Ёнджу сидела прямая, как палка. Лицо не двигалось. Только пальцы сжимали ручку. Костяшки побелели.

— Ваша честь, — сказала она. — Защита просит приобщить показания свидетеля к материалам дела.

— Принято. Следующее заседание через три дня.

Судья стукнул молотком.

Ёнджу собрала бумаги и направилась к выходу. Жека задержался.

Он ждал этого момента. Прокурор стоял у стола, собирал свои папки.

Жека подошёл.

— Кан-пханса.

Дохён поднял голову.

— Вы кто?

— Адвокат защиты. Пэк Сынчхоль.

— Слушаю.

Жека протянул визитку. Белую, с чёрными буквами. Имя,

телефон, должность. Внизу мелким шрифтом был напечатан адрес аптеки «Белоснежка».

В Корее не принято давать визитки в суде. Это считается нарушением этикета. Слишком личное, слишком навязчивое. Жека знал. И специально сделал так. Дохён должен был почувствовать давление с самого начала.

— Может, выпьем кофе, Кан-пханса? Обсудим дело. Неформально.

Дохён взял визитку. Посмотрел на неё.

Его лицо не изменилось. Ни один мускул не дрогнул. Но пальцы сжались.

— Откуда у вас это? — спросил он тихо. Голос сел.

— У меня много чего есть.

Жека развернулся и пошёл к выходу. Спиной чувствовал взгляд Дохёна. Тяжёлый, холодный, как прицел снайперской винтовки.

В дверях он столкнулся с Ёнджу.

— Что вы ему сказали?

— Ничего. Пригласил на кофе.

— Вы идиот, Пэк-сси.

— Мне говорили.

Ёнджу хотела сказать что-то ещё. Но передумала. Развернулась и ушла.

Жека вышел на улицу. Солнце било в глаза. Он надел солнечные очки. Сунул руки в карманы. Пошёл к метро.

+++

Вечером Жека сидел в своей пустой квартире. Жевал кимчи из холодильника. Запивал соджей — купил в «7-Eleven», пока бродил по городу. Без особого интереса смотрел шоу, которое крутили по телику.

Какое-то корейское юмористическое. Там толстый мужик в очках что-то увлечённо втирал ведущему, публика заливалась смехом. И особенно громко, когда на экране появлялась закадровая «смешная» картинка. Жека не понимал, что смешного. Какой-то петросянский юмор, не для него.

Но он не выключал. Потому что если выключить, станет слишком тихо.

Жека подошёл к подоконнику. Чёрный камень в медной оправе лежал там с того самого дня, как Кайдо привёл его в эту квартиру. Он коснулся его пальцем, и из камня вырвался голубоватый свет. Воздух задрожал, пошёл рябью, через секунду над камнем повис прозрачный экран.

На нём был Кайдо.

Практикант сидел в кресле, закинув ногу на ногу. На нём шёлковый халат тёмно-бордового цвета, с золотой вышивкой: переплетённые фигуры из демонской камасутры. Позы, от которых у нормального человека крыша поехала бы, а у демонов, видимо, просто «классика». Расстёгнутый на груди, конечно. Волосы мокрые, он только что из душа. Выглядело это одновременно дорого и нелепо.

Жека усмехнулся.

— Ты серьёзно? Это у тебя домашняя одежда?

— А что, не нравится? — Кайдо поправил воротник. — Отец Хиро подарил. Говорит, подходит к моим глазам.

— Твои глаза красные. Ты похож на новогоднюю ёлку с порнографическим уклоном.

— Лучше, чем ты — на помойку, — Кайдо затыкнул сигаретой. — Чего звонил?

— Тот прокурор. Кан Дохён. Взял визитку. Побелел как мел.

— А ты думал, — Кайдо усмехнулся. — Уфир старые связи имеет. Даже в прокуратуре Сеула. Один тамошний начальник уже лет пять покупает у него снадобья для «бодрости духа». Так что если Дохён побелел — значит, это не случайность.

Кайдо затыкнул. Выдохнул дым в сторону.

— Ладно. У меня для тебя подарок.

Он щёлкнул пальцами. Экран разделился. Слева осталось лицо Кайдо. Справа появились документы. Старые, пожелтевшие. С печатями и штампами.

— Что это?

— Досье на твоего прокурора. Кан Дохён. Тридцать один год. Родился в Сеуле. Выпускник Сеульского национального университета. Карьера взлётная. Без пятен. Почти.

— Почти?

— А теперь смотри. Восемь лет назад. Армия. Служба в военной полиции. Дохён был младшим офицером. Хорошим, ответственным. Без нареканий.

На экране появилась фотография. Солдаты в форме. Молодые, коротко стриженные, одинаковые.

— В его подразделении служил новобранец. Пак Чхансу. Девятнадцать лет. Единственный сын у матери-одиночки. Обычный парень. Ничем не выделялся.

Кайдо увеличил другую фотографию. Тело на полу. Синяя простыня. Видна только рука.

— Через три месяца после начала службы Чхансу погиб. Официальная версия — самоубийство. Повесился в казарме.

— Не веришь?

— А ты посмотри на рапорт.

На экране появилась скан-копия документа. Корейские иероглифы, печати, подписи. Жека пробежал глазами.

— Не вижу ничего странного.

— А ты посмотри на подпись. И на дату.

Кайдо увеличил фрагмент крупно. Подпись Дохёна. Дата — через три дня после смерти. И подпись принадлежит не тому офицеру, который вёл расследование.

— Дохён подписал? — переспросил Жека.

— Он. И закрыл дело. Потому что настоящий виновник — Ким Ёнхён. Тогда ещё капитан. Он и его люди забили новобранца до смерти. За то, что тот не подал им воды во время карточной игры.

Жека присвистнул.

— Ёнхён? Тот самый?

— Тот самый. У него и сейчас рыльце в пушку. И он держит Дохёна на крючке. Копия рапорта лежит в сейфе Ёнхёна. Если Дохён не подчинится, документ уйдёт в прокуратуру. Конец карьеры. А может, и срок. За сокрытие улики дают лет пять.

Кайдо потянулся.

— Вот такие пироги, Бугаев. У тебя теперь есть, что сказать прокурору. Но используй с умом.

— Как скажешь.

— И ещё, — Кайдо затаился и посмотрел куда-то в сторону, будто проверял, не подслушивает ли кто. — Уфир сказал, если ты не вернёшься к выходным, он пришлёт Таро в аптеку. Моего отца. С его синдромом.

— Чего? — Жека нахмурился. — Это ещё кто?

— Мой отец. Повелитель Пекла. Если он узнает, что я тут с тобой сюсюкаюсь и таскаю тебя на операции, которые пахнут коррупцией в Сеуле, устроит разнос. А у него Асмодеевский синдром. Это когда эмоции зашкаливают, и он выдаёт такие конструкции из мата и оскорблений, что даже демоны краснеют. А если он в ярости, магия может рвануть. Уфир не любит, когда в аптеке взрывается магия.

— А причём тут я?

— Ты расходный материал, Бугаев. Если ты провалишься, это ударит по Уфиру. А он не прощает ошибок. Так что возвращайся, если жить хочешь. И не подыхай там. Мне от-

читываться.

Кайдо отключился. Экран погас. Камень снова стал чёрным.

Жека сидел в темноте. Смотрел на камень.

Прокурор, который подписал фальшивый рапорт. Демон, который держит его за горло. Адвокат, которая защищает брата. Девушка, которая врёт об изнасиловании. И богатый ублюдок Ёнхён, который тянет нити.

Всё связано. Все в одной паутине.

Жека допил соджу. Поставил пустую бутылку на стол. Лёг на диван. Закрыв глаза. Перед глазами стояло лицо Дохёна. Пустые глаза. Белые пальцы на визитке. Тихий голос: «Откуда у вас это?»

Неудачник. Пёс. Марионетка.

Но Жека знал, что с такими надо аккуратно: сильное давление сломает его, слабое же — позволит укусить.

Он начал засыпать. Уже провалился в темноту, когда телефон завибрировал.

Жека не ответил. Подождал. Телефон замолчал. Потом снова.

Неизвестный номер. Голос Дохёна. Сухой, официальный, с металлическими нотками.

— Пэк-сси. Завтра в 18:00 в баре «Полуночный вихрь». Район Итэвон. Приходите один. Поговорим.

— О чём?

— О том, кто кому должен. И о том, что будет, если вы

сунете свой нос туда, куда не надо.

Короткие гудки.

Жека убрал телефон. Посмотрел в потолок.

Итэвон. Дорогой район. Бары, клубы, иностранцы. Место, где снимают маски.

— Посмотрим, Кан-пханса, — сказал он пустоте. — Чью маску мы снимем первой.

В окно стучала птица. Чёрная ворона с красными глазами. Сидела на карнизе, смотрела на Жеку.

Он махнул рукой. Птица не улетела.

— Пошла нахуй, — сказал он по-русски.

Ворона каркнула, но не улетела. Просто переступила с лапы на лапу и уставилась на него, будто ждала, что он ещё что-то скажет.

— Ну и сиди, — буркнул Жека и закрыл глаза.

+++

Утром он проснулся от резкой боли в ухе. Кто-то больно и настойчиво щипал его за мочку. Жека дёрнулся, открыл глаза — и увидел перед собой чёрную ворону. Она сидела прямо на подушке, наклонив голову, и смотрела на него своим красным глазом. Было в этом что-то до жути похожее на пробуждение после пьяной ночи: когда ты не помнишь, кто лежит рядом, но уже знаешь, что делал что-то не то.

— Ты... — выдохнул он, замирая.

Ворона каркнула и клюнула его в лоб. Не больно, но нагло. Потом взъерошила перья и устроилась поудобнее, прямо на

его плече.

ГЛАВА 5: ТОРГ СО СМЕРТЬЮ

— Это какая-то хуйня с контрактом, — сказал он наконец.

— Уфир подсунул тебя?

Ворона каркнула. Жека решил, что это ответ, и мысленно забил на неё. Птица осталась.

Он сел на диване, потёр лицо, посмотрел на ворону. Та сидела на спинке, ждала.

— Чего тебе?

Ворона перелетела на стол, глянула на пустую бутылку из-под соджи, потом на холодильник.

— Ты серьёзно?

Она каркнула. Жека вздохнул, открыл холодильник — пусто. Ни кимчи, ни яиц. Только банка пива.

— Тебе не понравится.

Ворона не улетела. Тогда он вспомнил, что в сумке на кухне остался самгак кимбап — треугольный рис с тунцом, купленный вчера в «7-Eleven» и так и не съеденный. Достал, разорвал упаковку, положил на блюде. Птица подошла, клюнула, скривилась, но есть начала. Как будто давала ему второй шанс.

Жека сунул голову под холодную воду, фыркнул, вытерся краем полотенца. Поднял глаза на зеркало — чужое лицо. Пэк Сынчхоль, мать его, адвокат. Ворона уже сидела на краю раковины и смотрела на его отражение.

— Ты как будто ждёшь, что я пойму, что ты хочешь.

Ворона каркнула и перелетела на плечо.

— Ну и пошли, — сказал он. — Только без сцен.

Он застегнул джинсы, зашнуровал кроссовки, проверил карманы: телефон, ключи, паспорт на чужое имя, смятые купюры. И шприц с фолинатом. Пальцы нащупали его почти с благодарностью. Это была единственная вещь, которая делала его дорогим для Уфира расходным материалом категории А. Что это значило, он сам не до конца понимал. Это что-то на фармацевтическом.

Перед выходом он достал ампулу. Голубая жидкость мерцала в тусклом свете. «Спаситель». Фолинат. Кайдо сказал: раз в сутки, иначе красный жнец сожрёт изнутри. Жека не чувствовал, чтобы его кто-то жрал. Но рука не дрожала. Впервые за много дней.

Он сломал ампулу, набрал шприц. Нашёл вену на сгибе локтя. Воткнул иглу.

Ничего. Только лёгкое покалывание, будто кто-то провёл пальцем по коже.

+++

Жека вышел из квартиры. Ворона сидела на плече. Соседка из квартиры напротив уставилась на них с круглыми глазами. Жека подмигнул ей.

— Это моя жена, — сказал он. — Не обращайтесь внимания.

Жека вышел на улицу. Мир стал чётче. Каждая вывеска,

каждый прохожий, каждый звук — острое, как лезвие. Он чувствовал запах выхлопных газов за квартал. Слышал разговор двух старух через дорогу. Видел, как у таксиста на лбу блестит капля пота.

Ворона сидела на плече, наклонив голову, и рассматривала улицу с таким видом, будто оценивала, куда он собрался без неё. Потом неожиданно клюнула его в мочку уха — больно, но коротко, и взлетела, каркнув на прощание.

— Иди нахуй! — вырвалось у Жеки по-русски.

Он замер. Прохожие обернулись. Кто-то удивлённо, кто-то с лёгким испугом. Корейцы наслышаны про русский мат, даже если не понимают слов — интонация говорит сама за себя. Жека почувствовал, как на него смотрят, и на секунду ему стало не по себе.

— Извините, — сказал он по-корейски, пряча глаза.

Прохожие отвернулись, но один парень, проходя мимо, хмыкнул и бросил что-то вроде: «Слышно было».

Жека пошёл дальше. Ворона уже сидела на карнизе соседнего дома и смотрела на него сверху вниз. Он не обернулся.

До встречи оставался целый день. Жека побрёл в никуда. По улицам, мимо стеклянных башен и забегаловок, где пахло жареным тестом и рыбой. Он заходил в дешёвые кафе, брал стакан растворимого кофе, садился у окна и смотрел на людей. Лица, жесты, походка — он сканировал их механически, как когда-то в Талице, когда это называлось работой. Теперь это просто привычка. От неё не избавиться.

К вечеру солнце ушло за крыши, Сеул выдохнул пробки и начал зажигаться неоном: розовым, синим, зелёным. Жека поймал такси, назвал адрес. Водитель кивнул, не глядя в зеркало.

Итэвон жил своей ночной жизнью. Узкие улочки забиты людьми. Пахнет уличным фастфудом и соджей. Девушки в коротких платьях смеются слишком громко. Мужчины в дорогих костюмах говорят по телефону, никого не замечая.

Жека идёт по тротуару. Пиджак жал в подмышках, но он не чувствовал дискомфорта. Фолинат убрал всё лишнее. Только цель.

Бар «Полуночный вихрь» нашёлся в подвале. Неоновая вывеска мерцала красным. У входа стоял вышибала. И это был, блядь, красавчик. С идеальной скуластостью, которая ему досталась от природы, а не от демонической магии. Разбитый нос только добавлял шарма, как у тех парней из драм, что играют крутых, но с душой. Чёрный костюм сидел на нём идеально.

Вышибала скользнул взглядом по Жеке, задержался на лице — видимо, оценил старания с уходовой косметикой — и молча кивнул, открывая дверь.

Жека переступил порог, чувствуя себя мешком картошки рядом с этим отполированным до блеска экземплярном. На его родине таких не водилось. А если и водились, то быстро уезжали в большие города, устраивать свою жизнь там.

Он спустился вниз.

Полумрак, красные лампы. За столиками сидели богатые люди с пустыми глазами — те, кто привык платить за анонимность. Никто не смотрел на дешёвый пиджак. Им было плевать.

Дохён сидел в дальнем углу. Тот же дорогой костюм, но галстук ослаблен. Волосы растрёпаны. Под глазами тени. Перед ним стакан, лёд почти растаял.

Жека сел напротив. Диван скрипнул.

— Вы пришли, — сказал Дохён. Голос охрипший.

— Вы пригласили.

— Я думал, не придёте.

— Мне терять нечего.

Дохён усмехнулся. Криво, одними губами.

— Это мы ещё посмотрим.

Бармен подошёл. Положил салфетку.

— Виски, двойной, без льда, — сказал Жека. Бармен кивнул.

Дохён смотрел. Не отрываясь. Взгляд тяжёлый, с ненавистью и страхом.

— Кто вы на самом деле?

— Адвокат. Из России.

— Адвокаты не раздают визитки с адресом аптеки.

— Бывают разные.

— И адвокаты не знают про армейские дела, которым восемь лет.

Жека промолчал. Подошёл официант.

— Виски, двойной, без льда, — сказал Жека.

Официант кивнул и отошёл.

Через минуту он вернулся с напитком.

— У вас есть информация, — сказал Дохён. — Откуда?

— От друга. Ассистента. Хорошо копает.

Дохён побледнел.

— Что вам нужно?

— Правда. Вся.

Жека достал конверт. Жёлтый, толстый, с печатью. Положил на стол. Конверт упал глухо.

— Что это? — Дохён смотрел на конверт как на змею.

— Откройте.

Пальцы дрожали, когда Дохён разрывал край. Он достал бумаги. Старые, пожелтевшие. Копии.

Жека смотрел на его лицо. Сначала ничего. Потом Дохён побледнел. Губы посинели.

На первой странице рапорт. Его подпись. Кан Дохён. На второй — показания свидетеля. Солдат видел, как Ёнхён и его люди били новобранца ногами. Били, пока тот не перестал дышать. На третьей — экспертиза. Переломы рёбер. Внутреннее кровотечение. Разрыв селезёнки. Убийство.

— Откуда это у вас? — голос Дохёна сорвался на шёпот.

— Я сказал. От друга.

— Вы работаете на Ёнхёна?

— Нет.

— Зачем вам это?

Жека наклонился вперед. Локти на стол. Фолинат всё ещё гудел в крови. Он чувствовал, как бьётся сердце Дохёна. Как расширены зрачки. Как пахнет страхом, кислым и приторным.

— Ёнхён умрёт. Не сегодня, но скоро. Вы либо поможете мне, либо ляжете рядом.

— Вы меня шантажируете?

— Нет. Предлагаю сделку.

— Какую?

— Информация. Всё, что знаете про деньги Ёнхёна. Счета, схемы, имена. Рапорт — это ваша вина. А деньги — это его. Если я возьму его за горло через счета, он рухнет. Вместе с вашим рапортом. Я уничтожаю бумаги, вы даёте мне ключ к его империи.

— А если я откажусь?

— Завтра утром копии уйдут в прокуратуру. Ёнхён получит срок. Вы за соучастие.

— Ёнхён меня прикроет.

— Он не прикроет даже себя.

Дохён смотрел на рапорт. На свою подпись.

— Вы псих, — сказал он.

— На всю голову.

+++

Дохён говорил быстро и боялся, что кто-то услышит.

— У Ёнхёна три благотворительных фонда. «Чхон Эду», «Чхон Калту», «Чхон Нара». Через них он финансирует су-

дей, адвокатов и свидетелей. Это не просто деньги. Это система, которая делает его неуязвимым.

— Откуда деньги?

— Из России. Партнёры выводят капитал через подставные фирмы. Эти же деньги идут на то, чтобы закрывать глаза на его дела.

— Какие дела?

— Всё, что ему выгодно. В том числе, ложные обвинения. Пак Суён, которая обвинила Минхо, это не случайность. Это заказ.

Дохён замолчал, но Жека не перебивал.

— Её наняли через один из фондов, — продолжил Дохён.

— Она получила деньги за то, что написала заявление. Ёнхён хотел убрать отца Минхо, тот мешал ему в бизнесе. Но напрямую нельзя было, поэтому ударили через сына.

Жека слушал, запоминал. Теперь всё вставало на свои места.

— Кто ведёт отчётность? — спросил он.

— Главный бухгалтер. Ким Джэвон.

— Где найти?

Дохён назвал адрес. Рассказал про привычки: казино по пятницам, возвращается в час ночи, живёт один.

— Он всё знает. Счета, пароли, имена курьеров. Если вы возьмёте его, вы возьмёте всю схему.

— Где Ёнхён хранит документы?

— В сейфе. В кабинете.

— Код?

— Не знаю. Однажды видел, как набирал. Но не запомнил.

— Запомнишь. Будет возможность.

Дохён выдохся. Сидел ссутулившись, смотрел в пустой стакан. Лёд давно растаял, виски превратился в тёплую мутную жижу.

— Я всё сказал, — тихо произнёс он. — Бухгалтер, сейф, счета. Чего вы ещё хотите?

Жека смотрел на него сверху вниз. Дохён казался маленьким. Жалким. Сломленным.

— Чтобы Ёнхён сдох. Морально. А потом и физически.

Он развернулся и пошёл к выходу.

Ночной Итэвон гудел. Жека шёл по улице, чувствуя, как внутри всё ещё гудит адреналин. Он только что объявил войну человеку, который держит в руках половину Сеула. Теперь назад дороги нет. Либо Ёнхён умрёт, либо Жека.

Никто из прохожих не знал, что мимо них только что прошёл человек, который подписал себе смертный приговор.

Жека поймал такси, забрался на заднее сиденье, назвал адрес: Ханнам-дон, 124.

Такси нырнуло в поток машин. Сеул за окном плыл огнями — розовыми, синими, жёлтыми. Жека смотрел на них, не видя. В голове прокручивал разговор с Дохёном, его трясущиеся руки, его страх. Всё шло по плану. Почти.

Он расплатился, вышел из машины. Дом встретил его тишиной, только лифт загудел, поднимая на двадцать четвёр-

тый.

Квартира была пустой. Жека не включал свет, хватило неона за окном. Он подошёл к стеклу, упёрся ладонями в подоконник. Бесконечные крыши. Где-то далеко, если при-смотреться, река. В Талице он бы не поверил, что будет жить в таком районе. Здесь просто клетка с видом.

Фолинат кончался. Мир снова становился мутным. Звуки приглушались, запахи исчезали. Жека чувствовал, как возвращается усталость.

Телефон завибрировал.

— Молодец, Бугаев, — голос Уфира. — Давление, это искусство. Ты умеешь.

— Вы следите.

— Ты мой проект. Группа А. Дорогой. Мало. Без тебя крах.

— Не напоминай.

— А я уже. И буду впредь.

Уфир помолчал.

— Но ты забыл про Ёнджу.

— Не забыл.

— Она следующий ключ. Через неё выйдешь на брата.

— Я знаю.

— Не упусти её.

Уфир отключился.

Жека лёг на диван, закрыл глаза. В памяти всплыло лицо Дохёна. Белое, с трясущимися губами. «Вы псих». Может, и

псих. Другого выхода нет. Жека провалился в темноту.

+++

Дохён назначил новую встречу на крыше парковки. Место без камер. Без свидетелей. Ветер гонял по асфальту мусор. Сеул внизу горел огнями, но здесь, наверху, было темно и пусто.

Жека пришёл первым. Облокотился на парапет. Достал сигарету. Закурил. Дым улетал в чёрное небо.

Дохён появился через десять минут. На нём был чёрный спортивный костюм с капюшоном. Никто бы не узнал в этом человеке прокурора Кан Дохёна.

— Ты один? — спросил Жека.

— Ты просил без хвостов.

— Правильно сделал.

Дохён подошёл к парапету. Встал рядом, взглянул вдаль на мерцающие огни.

— У меня есть информация. По Джэвону.

— Говори.

Дохён достал телефон, открыл фотографию, протянул Жеке.

На экране был мужчина лет тридцати. Худой, с бледным лицом и вечно испуганными глазами. Волосы зачёсаны назад, на лбу залысины. Костюм серый, безвкусный, как с чужого плеча.

— Он и сейчас такой? — спросил Жека.

— Хуже. После того как влез в долги, сидит на успокои-

тельных. Трясётся постоянно. Проиграл Ёнхёну около трёхсот тысяч долларов. Расплачивается работой. Ведёт чёрную бухгалтерию.

— Где живёт?

— В квартале Йонсандо. Старая высотка без лифта. Квартира на восьмом этаже.

— Привычки?

— Работа, дом, казино по пятницам. Казино «Санни» в районе Хондэ. Приезжает в одиннадцать вечера, уезжает в час ночи. Играет всегда на одних и тех же автоматах.

Дохён повернулся к Жеке. Ветер трепал его волосы.

— Он не сломается от угроз. Слишком трусливый и запуганный. Но у него есть слабость. Он любит мать. Старушка живёт в Пхаджу. Джэвон ездит к ней каждое воскресенье. Если прижать его через неё...

— Нет, — перебил Жека. — Мать не трогаем.

— Почему?

— Потому что я не мразь.

Дохён усмехнулся. Криво, одними губами.

— Ты собираешься уничтожить Ёнхёна, но мать бухгалтера трогать не хочешь. Где логика?

— Логика в том, что мать не замешана. Найду другой способ.

— Какой?

— Есть у меня один знакомый. Он умеет убеждать.

ГЛАВА 6: ВИЗИТ НАПАРНИКА

Жека вернулся в квартиру. Чёрный камень на подоконнике замерцал. Он нажал на него.

Перед ним появился Кайдо. Практикант был в аптеке. На голове смешная шапочка с помпоном. Жека не удержался.

— Ты серьёзно?

— У меня сквозняк, Бугаев. Не все могут похвастаться центральным отоплением в Пекле.

Кайдо стянул шапку.

— Чего тебе?

— Ким Джэвон. Проверь по своим каналам. У меня есть общая информация, но нужно больше.

Кайдо вздохнул, щёлкнул пальцами. В воздухе повисла голубая руна, замерцала, потом погасла. Он заглянул в неё, как в экран.

— Ким Джэвон, тридцать два года. Не женат. Детей нет. Живёт с котом. Образование высшее, окончил Корейский университет с отличием, специальность «финансы и кредит». Работает в «Чхон Эду» пять лет. Криминального прошлого нет.

— А что есть?

— Долги. Крупные. Проиграл в казино около трёхсот тысяч долларов. Кредиторы — структуры Ёнхёна. Сейчас Джэвон отдаёт долг работой. Ведёт чёрную бухгалтерию, выво-

дит деньги через подставные счета.

Кайдо закрыл руну.

— Чистый человек, если не считать долгов. Но он знает, что выводит деньги через подставные счета. Так что сообщник. Просто загнанный в угол.

— Идеальная жертва?

— Идеальная, — Кайдо кивнул. — Если ты пережмёшь, он сломается. Не в ту сторону. Начнёт бояться не Ёнхёна, а тебя. Тогда молотком не выбьешь.

— Что посоветуешь?

— Давление через любовь к матери не работает. Слишком предсказуемо. Дави на его болезнь. Он панически боится всего, что связано с больницами.

— Откуда знаешь?

— В его медицинской карте есть запись. В детстве он попал в аварию. Три недели в реанимации. Ему переливали кровь, ставили катетеры, а на четвёртый день случился анафилактический шок на препарат. Его экстренно реанимировали, сломав два ребра. Он очнулся под наркозом, привязанный к кровати, с трубкой в горле, и чувствовал, как при каждом вдохе в груди что-то хрустит. С тех пор боится игл, скальпелей, даже запаха спирта.

Жека усмехнулся.

— Спирт? У меня как раз есть знакомый, который очень любит спирт.

— Не понял, — Кайдо нахмурился.

— Уфир пригодится. Если Джэвон боится врачей, мы дадим ему самого страшного врача.

— Ты серьёзно? Уфир не станет возиться с каким-то бухгалтером.

— Станет, если я скажу, что этот бухгалтер ключ к счетам Ёнхёна.

Кайдо задумался. Потом покачал головой.

— Ладно. Твоя игра. Но если Уфир разозлится, я буду делать вид, что не знаю тебя.

+++

Следующие сутки Жека следил за Ким Джэвоном: привычки, маршрут, слабости.

Джэвон вставал в семь утра. Пил кофе без сахара. Завтракал рисовой кашей. Выходил из дома в восемь тридцать. Надевал бежевую рубашку, серый костюм, чёрные туфли. Всё дешёвое, безвкусное.

Он ехал на работу на автобусе. Сидел у окна. Смотрел в телефон. Иногда улыбался чему-то, но быстро прятал улыбку.

На работе Джэвон проводил восемь часов. Выглядывал из окон, боялся начальства. Обедал один, в кабинете. Ел рис с овощами. Пил зелёный чай.

В семь вечера он возвращался домой. Ужинал. Смотрел телевизор. Гладил кота.

Никаких друзей. Никаких женщин. Никаких хобби. Серый костюм, серый человек, серая жизнь.

Жека позвонил Кайдо.

— Готовься. Ты мне нужен здесь.

— В Сеуле?

— Да.

— Когда?

— Сегодня же пятница. Ты мне нужен прямо очень скоро, а лучше сейчас.

— А как же аптека? А практика? А отчётность?

— Передашь Уфиру. Скажи, что это срочно.

— Он меня убьёт, Бугаев.

— Не убьёт. Ты его лучший практикант.

— Я его единственный практикант. Поэтому он меня и не убивает.

— Вот видишь. Жду. Не опаздывай.

Кайдо появился через несколько часов. Он был в чёрной парке с капюшоном, крылья спрятаны, глаза горели красным. Рядом с ним стоял большой чемодан на колёсиках.

Жека подошёл к нему.

— Это что?

— Чемодан.

— Я вижу. Что внутри?

Кайдо присел на корточки, щёлкнул замками. Крышка откинулась. Внутри ровными рядами лежали ампулы, шприцы, скальпели, бинты, гемостатик. Кайдо кивнул на упаковки.

— Фолинат. «Красный жнец». «Цикло-щит». «Изумрудный мох». И ещё кое-что.

Он вытащил из отделения ампулу с чёрной жидкостью, поднял её, чтобы Жека видел этикетку.

— «Ихтиос». Модифицированный нейротоксин. Парализует без повреждения жизненно важных функций. Дозировка 0,5 мл. Передозировка летальна.

Жека взял ампулу, повертел в пальцах.

— И для чего это?

— Демоническая рыба, — пояснил Кайдо. — Водится в озёрах вблизи Вертерона, моего дома. Уфир её выловил, выделил яд, очистил. Говорит, идеальный препарат для допросов. Испытуемый чувствует всё, но не может даже пальцем пошевелить.

— Страшная штука.

— Страшная, — Кайдо кивнул. — Не хотел бы оказаться на его месте.

Если Уфир узнает, что я таскаю его препараты для допросов какого-то бухгалтера, он мне яйца отрежет. В прямом смысле.

+++

Жека ждал у казино «Санни». Сидел в дешёвой машине, арендованной на подставное имя. Двигатель заглушен. Окна тонированы. Салон пропах табаком и застарелым потом.

Фолинат гудел в крови, обостряя всё — звуки, запахи, даже собственный пульс. Жека слышал, как шуршат шины проезжающих машин за два квартала. Чувствовал запах жареного кальмара из ларька через дорогу. Видел каждую тре-

щину на асфальте под фонарём.

Кайдо сидел на заднем сиденье. Положил чемодан на колени. Крылья спрятал, но красные глаза светились в темноте.

— Ты уверен, что он выйдет ровно в час? — спросил практикант.

— Каждую пятницу. За два года ни разу не нарушил. Потому что раб привычки.

Джэвон вышел в 0:57.

Он шатался. Пьяный. В одной руке телефон, в другой пластиковый стакан с остатками виски. Костюм мятый, галстук сбит набок.

— Похож на меня, — сказал Жека.

— В зеркало смотрел? — Кайдо усмехнулся.

— Выходим.

Джэвон свернул в переулок. Место глухое. Без фонарей. Без камер. Жека настиг его через десять шагов. Рука легла на плечо.

— Ким Джэвон?

Тот обернулся. Глаза мутные, не фокусируются.

— А вы кто?

— Адвокат. Нужно поговорить.

— Не. Не хочу ни с кем говорить.

Джэвон попытался отмахнуться. Не успел. Кайдо возник сзади. Шприц в шею. Быстро, профессионально. Джэвон обмяк. Тело обвисло мешком.

— Тяжелый, — сказал Кайдо, подхватывая бухгалтера под

мышки.

— Не ной. Тащи.

+++

Гараж, снятый Жекой на окраине был без окон, с бетонными стенами и одной лампочкой под потолком. Внутри несло маслом и покрывками.

Кайдо поморщился.

— У тебя не было места получше?

— Тут никто не услышит.

— А крысы?

— Услышат. Не сдадут.

Джэвона привязали к стулу. Обычному, деревянному.

Кайдо проверил узлы.

— Держится. Не сбежит.

— Даже если сбежит, не вспомнит куда.

Кайдо открыл чемодан. Разложил инструменты на столе: скальпели, зажимы, ампулы, шприцы. Разложил аккуратно, как учил Уфир.

— «Цикло-щит» 200 миллиграммов, — пробормотал он.

— Алкилирующее соединение. Если не принять фолинат, через сутки почки превратятся в фарш.

— Ты вслух рассуждаешь?

— Запоминаю. Уфир сказал, проговаривать, это лучший способ выучить матчасть.

Жека посмотрел на скальпели, шприцы.

— Он живой нам нужен.

— Живой. Обещаю.

Кайдо взял ампулу с янтарной жидкостью.

— Это антидот. Введу сразу после того, как он всё расскажет.

— А если не расскажет?

— Расскажет. Я вкачу ему малую дозу «Цикло-щита». Через пять минут у него начнутся судороги. Боль будет невыносимой. Он заговорит.

Кайдо посмотрел на Жеку. Красные глаза блеснули.

— Готов?

— Давай.

+++

Джэвон очнулся через десять минут.

Попытался дёрнуться. Понял, что привязан. Заорал.

— Что вы делаете?! Вы кто?!

— Тише, — сказал Кайдо. — Вы в надёжном месте.

— Отпустите меня!

— Отпустим. Как только поговорим.

Джэвон смотрел на инструменты.

— Я ничего не знаю!

— Врёте, — Жека подошёл ближе. — Вы главный бухгалтер Ёнхёна. Вы знаете все счета, все пароли, все схемы отмывания денег.

— Я не..

— Тсс.

Кайдо взял шприц с «Цикло-щитом». Показал Джэвону.

— Видите? Это химиотерапия. Вводится внутривенно. Без антидота убивает за сутки. Медленно, больно, с кровотечением из всех отверстий.

Джэвон побледнел.

— Вы врёте.

— Хотите проверить?

Кайдо подошёл к бухгалтеру. Нашёл вену на сгибе локтя. Воткнул иглу.

Джэвон заорал.

— Тихо, — сказал Кайдо. — Я ввёл малую дозу. Через пять минут начнутся судороги. Если я не введу антидот, вы умрёте. Медленно. Больно. С кровью из жопы.

— Не надо..

— Тогда говорите.

Кайдо запустил таймер на телефоне. Поставил на стол.

— У вас пять минут.

Первые две минуты Джэвон молчал. Смотрел на таймер. Пот на лбу. Дыхание частое.

— Я не могу, он убьёт меня.

— Ёнхён? — переспросил Жека. — А мы убьём Ёнхёна. Но сначала вы.

— Зачем вам это?

— Чтобы он больше никогда не смог никого убить.

Таймер показал три минуты.

Джэвон скривился. Живот свело.

— Что. Что со мной?

— Судороги начались, — сказал Кайдо. — Через две минуты будет хуже.

— Я скажу! Всё скажу!

— Давай.

Джэвон назвал первый счёт. Швейцария. Криптокошелёк.

Имя курьера.

Он говорил без остановки. Счета, пароли, имена. Где хранятся документы. Как Ёнхён выводит деньги в Россию.

Жека записывал на диктофон. Кайдо в это время вкалывал антидот.

Джэвон обмяк. Слюна потекла по подбородку. Глаза закатились.

— Он живой? — спросил Жека.

— Живой. Память сотрём через час.

Кайдо вытер руки о штаны.

— Материал готов. Можешь звонить своему прокурору.

+++

Жека вышел из гаража. Набрал номер Дохёна.

— Есть информация.

— Какая?

— Вся, касаясь финансовых махинаций Ёнхёна.

— Откуда?

— Неважно.

Дохён помолчал.

— Если это правда, мы его посадим. Жду завтра в пере-

говорной. Неси доказательства.

— Хорошо.

Жека отключился. Вернулся в гараж, взглянул на Кайдо: на его руки, которые минуту назад держали шприц с ядом. На его лицо, которое оставалось спокойным: он не пытал человека, а сдавал экзамен.

— Ты это уже делал раньше? — спросил Жека.

— На существах, о которых тебе лучше не знать. На людях в первый раз.

— А выглядишь как профессионал.

— Уфир говорит, что у меня талант.

— Жуткий талант.

Он посмотрел на Джэвона. У того текли слюни, голова свисала на грудь.

— Побочка. Через пару часов пройдёт.

— А если нет?

— Если нет, то он будет самым информированным овощем в Сеуле.

Жека усмехнулся.

— Ты умеешь обнадёжить.

— Это моя работа.

Кайдо закрыл чемодан. Защёлкнул замки.

— Дальше что? — спросил Жека.

— Домой. Отцу Хиро чесаться. Он уже, наверное, обсыкался.

Жека усмехнулся.

— Я не понял.. Ты уже говорил и про отца Таро и про Хиро упоминал уже однажды.

— У меня их два, — Кайдо поправил лямку чемодана. — И оба ещё те подарки. Один с Асмодеевским синдромом: это когда эмоции зашкаливают, и он выдаёт такие конструкции из мата и оскорблений, что даже демоны краснеют. Второй с паранойей: ему везде мерещатся заговоры. Вот представь, что будет, когда они узнают, где я был.

— И что будет?

— В лучшем случае головомойка. В худшем, Уфир вычтет стоимость “зачистки” из моей зарплаты.

Кайдо щёлкнул пальцами. Портал открылся. Изнутри пахнуло спиртом и лекарствами.

— Отец Хиро, если ты наблюдаешь, — сказал он в фиолетовое марево, — я улетел в командировку. Нет, не в командировку. На войну. Но ты не волнуйся, я с напарником.

Он шагнул в портал, его голос донёсся уже оттуда, глуховато, будто из подвала:

— Отец Таро, не пей мелатонин без рецепта, я заказал новую партию.

Жека проводил портал взглядом. Два отца. Один с Асмодеевским синдромом, второй с паранойей. И Кайдо — их сын, который вместо нормальной семейной жизни объясняет им через портал, как принимать мелатонин. Семейка, блядь.

Портал едва не схлопнулся..

— Стой, — сказал Жека.

Кайдо высунул голову.

— Чего?

— Оставайся.

— Зачем?

Жека усмехнулся. Кивнул в сторону выхода.

— Пятница, блядь. Работу сделали. Девчонок в клубе подцепим. Натрахаемся до утра.

Кайдо вернулся, портал за его плечами схлопнулся. Он смотрел на Жеку: красные глаза блеснули, на лице смесь удивления и недоверия.

— Ты серьёзно?

— А ты думал, я только убивать умею?

— Я думал, ты труп.

— Труп, но с членом.

Кайдо засмеялся. Первый раз за всё время. Громко, нервно, с надрывом.

— Знаешь, Бугаев, я и забыл, когда последний раз был в клубе.

— А когда?

— В прошлом году. В Амуртэе. Там свои порядки.

— Какие?

— Никаких девчонок. Только драгнилы с чешуёй и вампириши, которые хотят не трахаться, а кровь попить.

Жека скривился.

— Звучит как пиздец.

— А там так и есть.

Кайдо закрыл портал. Поставил чемодан у стены.

— Ладно, Бугаев. Убедил. Пошли трахаться.

— Надеюсь, ты не брызгаешься.

+++

Клуб назывался «Мулен Руж». Неоновая вывеска горела красным. Очередь из желающих тянулась на полквартала.

Жека подошёл к фейсконтролю. Вышибала посмотрел на его дешёвый пиджак, на уставшее, но чисто выбритое лицо. Хотел сказать «проходите», но Кайдо шагнул вперёд. Крылья спрятал, но глаза горели красным. Вышибала сглотнул и открыл дверь.

Внутри было темно. Грохотал техно. Стробы били по глазам.

— Не отставай, — крикнул Кайдо.

— Я не теряюсь.

— Ты в Корее, Бугаев. Здесь всё по-другому.

Они прошли к барной стойке. Кайдо заказал два виски. Чокнулись. Выпили.

— Смотри, — Кайдо кивнул в сторону танцпола. — Там цель.

Девушка танцевала одна. Длинные чёрные волосы, стройное тело в облегающем платье цвета вина. Лицо — острые скулы, полные губы.

— Красивая, — сказал Жека.

— Красивая, — согласился Кайдо. — Моя.

Он поставил стакан и пошёл к ней. Что-то шепнул на ухо.

Она улыбнулась. Взяла за руку.

Кайдо обернулся. Кивнул Жеке. Мол, за мной.

Вип-зона оказалась отдельной комнатой. Мягкий полумрак, диваны из чёрной кожи, на столике — шампанское и фрукты.

Девушка села на диван. Кайдо рядом. Он снял куртку. Футболка обтягивала широкие плечи.

— Познакомься, — сказал Кайдо. — Чон Хеюн.

Жека кивнул. Сел напротив.

— Ты не из Пекла, — сказал Кайдо.

— О как!..

— Глаза. У нас так не светятся.

Она рассмеялась.

— А вы, господин демон, наблюдательный.

— Наблюдательный, — согласился Кайдо. — И честный.

Скажи, Хеюн, ты хочешь со мной переспать?

Она посмотрела прямо в глаза.

— А ты хочешь?

— Хочу. Но не один.

Кайдо повернулся к Жеке.

— Бугаев, раздевайся.

Они перешли на широкий диван у стены. Хеюн оказалась между ними.

Кайдо расстегнул её платье. Потянул за молнию, стянул с плеч. Кружевной лифчик полетел на пол. Трусики следом.

Она не сопротивлялась. Только дышала часто, прерыви-

сто.

Кайдо посадил её к себе на колени. Лицом к Жеке. Её ноги обхватили его бёдра. Руки легли ему на плечи.

— Видишь, — сказал Кайдо. — Красивая.

Жека смотрел на её полную грудь, с тёмными сосками, узкую талию, широкие бёдра. Кожа светилась.

— Она не картинка, — сказал Кайдо. — Она живая.

Он поцеловал её в шею. Она выгнулась.

Кайдо вошёл в неё. Медленно, глубоко. Жека видел её лицо. Веки смежились, губы приоткрыты. Она дышала ртом.

Её руки соскользнули с плеч Кайдо, потянулись к Жеке.

— Иди сюда, — прошептала она.

Жека подвинулся ближе. Оказался прямо перед ней. Она взяла его за руку, положила себе на грудь.

— Трогай.

Он провёл пальцами по её соскам. Твёрдым, горячим. Она застонала.

Кайдо двигался ритмично, не спеша. Она подавалась ему навстречу, но тянулась к Жеке. Целовала его пальцы, запястья.

— Одновременно, — прошептал Кайдо. — Как в работе. Синхронно.

— Что сделать? — не понял Жека.

— Войди в неё. Спереди.

— А ты?

— Я сзади.

Хеюн засмеялась. Хрипло, с присвистом.

— Вы меня разорвёте.

— Не разорвём, — сказал Кайдо. — Ты сильная.

Кайдо вышел из неё. Помог перевернуться. Теперь она стояла на четвереньках на диване. Кайдо сзади. Жека спереди.

— Готова? — спросил Кайдо.

— Да.

— Считаю до трёх.

— Раз.

Она вцепилась пальцами в спинку дивана.

— Два.

Жека вошёл в неё. Одновременно с Кайдо.

Она закричала. Негромко, сквозь зубы.

— Тише, — сказал Кайдо.

— Не могу.

— Можешь.

Они двигались в унисон. Жека чувствовал, как ритм Кайдо передаётся через её тело. Как она сжимается, пульсирует. Как её лицо искажается от удовольствия.

Кайдо смотрел на Жеку поверх её спины. Красные глаза блестели.

— Учись, Бугаев.

— Чего?

— Получать удовольствие. Ты заслужил.

Девушка кончила первой. Тело свело судорогой. Она за-

мерла, потом обмякла.

— Не останавливайтесь, — выдохнула.

Они не остановились.

Потом они лежали втроем на широком диване. Хеюн посередине. Кайдо гладил её по животу, Жека по бедру.

— Вы сумасшедшие, — сказала она.

— Знаем, — ответил Кайдо.

— Хочу ещё.

— Не сегодня, — Кайдо поцеловал её в висок. — У нас работа.

— А завтра?

— Завтра мы в другом городе.

Она вздохнула. Закрыла глаза.

Кайдо поднялся. Натянул футболку. Открыл портал.

— Я улетаю. Бугаев, завтра позвоню.

— Давай.

Кайдо шагнул в фиолетовое марево. Портал схлопнулся. Жека остался на диване с Хеюн. Она уже спала. Он накрыл её курткой Кайдо.

— Спокойной ночи.

Вышел из вип-зоны. Пошёл к выходу. Ночной Итэвон гудел. Жека поймал такси. В машине он улыбнулся.

— Красиво трахаемся, напарник.

+++

Утро. Жека приехал в офис. Прокурор Дохён уже ждал в переговорной.

— Слушай. — Жека включил диктофон.

Голос Джэвона, сбивчивый и испуганный, заполнил комнату. Дохён слушал. Молчал. Бледнел. Через десять минут он выключил запись.

— Этого достаточно, чтобы посадить Ёнхёна на двадцать лет.

— Не надо сажать, — сказал Жека.

— Что?

— Надо убивать.

Дохён смотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Ты с ума сошёл.

— Я в здравом уме. Посмотри на эти записи. На имена. Ёнхён связан с русской мафией, с чиновниками, с судьями. Ты думаешь, его посадят? Адвокаты развалют дело в первый же день.

— Но доказательства..

— Добыты нечестно. Любой судья их завернёт.

Дохён замолчал.

— Что ты предлагаешь?

— Продолжить охоту. У нас есть бухгалтер. Но нужен главный свидетель. Тот, кто видел, как Ёнхён убивал новобранца.

— Его убили.

— Значит, найдём другого.

Дохён покачал головой.

— Ты опасный человек, Бугаев.

— Я просто делаю свою работу. Разве это плохо?

Жека встал. Взял со стола диктофон.

— Готовься. На следующей неделе будет второй раунд.

— Какой?

— Смертельный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.